

На правах рукописи

Юрина Наталья Геннадьевна

**ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ТВОРЧЕСТВО
В. С. СОЛОВЬЁВА В КОНТЕКСТЕ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА (ЭСТЕТИКА, ПОЭТИКА, СТИЛЬ)**

Специальность 10.01.01 – русская литература

Автореферат
диссертации на соискание учёной степени
доктора филологических наук

Саранск – 2019

Работа выполнена на кафедре русской и зарубежной литературы Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарёва»

Научный консультант: доктор филологических наук, профессор
Осьмухина Ольга Юрьевна

Официальные оппоненты:

Клинг Олег Алексеевич, доктор филологических наук, профессор, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова», кафедра теории литературы, заведующий кафедрой

Мотеюнайте Илона Витаутасовна, доктор филологических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Псковский государственный университет», кафедра литературы, профессор

Слободнюк Сергей Леонович, доктор филологических наук, доктор философских наук, профессор, ГАОУ ВО Ленинградской области «Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина», кафедра литературы и русского языка, профессор

Ведущая организация:

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина»

Защита состоится « 3 » октября 2019 года в 11 на заседании диссертационного совета Д 999.061.03, созданного на базе ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университета им. Н. И. Лобачевского», ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина», ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва», по адресу: 603000, г. Нижний Новгород, ул. Б. Покровская, д. 37.

С диссертацией можно ознакомиться в фундаментальной библиотеке ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского» по адресу: 603950, Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23 и на сайте <http://diss.unn.ru>.

Автореферат разослан «___» _____ 2019 года

Учёный секретарь
диссертационного совета

Юхнова Ирина Сергеевна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования обусловлена несколькими причинами.

Во-первых, несомненной значимостью фигуры В. С. Соловьёва для отечественной литературы и культуры в целом, для эстетических и художественных исканий конца XIX века, в частности. Этот писатель-философ не только во многом определил направление теургических устремлений и творческих экспериментов русских символистов, но и обозначил ориентиры, значимые для многих художников слова последующих поколений.

Во-вторых, актуальность подтверждается неослабевающим интересом исследователей к творческим проявлениям Соловьёва, известного русского философа, в области литературы. Как поэт, писатель, драматург, мемуарист, литературный критик, публицист он создал, безусловно, оригинальный художественный мир, отразивший специфику его философской концепции, эстетическую позицию, авторские творческие стратегии. Сегодня представляется актуальным системно осмыслить художественный мир Соловьёва в контексте современного ему литературного процесса.

В-третьих, актуальность темы исследования определяется тем, что творчество Соловьёва отразило смену типов художественного сознания в конце XIX столетия. Осмысление роли Соловьёва в современном ему литературном процессе позволит проследить, как на этом этапе развития русской словесности актуализировались традиции (в том числе фольклорная и древнерусская), эволюционировала жанровая система («раскрепощались» канонические формы и возникали синтетические и экспериментальные жанровые образования), какие трансформации происходили в сфере методологии творчества, в области ведущих творческих стратегий.

Степень научной разработанности проблемы. В последние десятилетия интерес к творчеству Соловьёва ощутимо возрос, о чём свидетельствует внушительный пласт научной литературы о его жизни и деятельности. Активно исследуются гносеологическая основа его наследия¹, философия и историософия², эстетические и общественные взгляды³. После долгих десятилетий умолчания

¹ Евлампиев И. И. История русской метафизики в XIX–XX веках. Русская философия в поисках абсолюта: в 2 ч. Ч. 1. СПб., 2000; Соколова В. Ф. Мифопоэтика В. С. Соловьёва // Синтез культурных традиций в художественном произведении. Н. Новгород, 2009. С. 38–46; Кравченко В. В. Поэзия В. С. Соловьёва как особый род теоретической философии // Вече. 2014. № 26. С. 60–70.

² Максимов М. В. Историософия «Трёх разговоров» Вл. Соловьёва // Русская философия: многообразие в единстве. материалы VII Рос. симп. историков рус. философии. М., 2001. С. 136–141; Микосиба М. Эсхатология Вл. Соловьёва // Владимир Соловьёв и культура Серебряного века. М., 2005. С. 221–229; Котрелёв Н. В. Эсхатология у Владимира Соловьёва (к истории «Трёх разговоров») // Эсхатологический сборник. СПб., 2006. С. 238–257; Крохина Н. П. Софийность и её коннотации в русской литературе XIX – начала XX веков (поэтика всеединства): автореф. дис. ... д-ра филол. н. Шуя, 2011; Роднянская И. Конец истории и «окончательный взгляд на церковный вопрос» // Гальцева Р. А., Роднянская И. Б. К портретам русских мыслителей. М., 2012. С. 185–200.

³ Чжонг-Со П. Поэзия Владимира Соловьёва (Проблема нравственного и эстетического идеала): автореф. дис. ... к. филол. н. М., 1995; Цанн-кай-си Ф. В. «Русская идея» в философской публицистике Вл. Соловьёва и духовная ситуация нашего времени // Соловьёв. исслед. 2005. Вып. 11. С. 66–74; Черкасова Е. А. Стихотворное и литературно-критическое наследие В. С. Соловьёва второй половины 1890-х годов: концепция русской поэзии: автореф. дис. ... к. филол. н. Тюмень, 2012; Бренёва А. Повесть об антихристе как политико-религиозная антиутопия (В. С. Соловьёв и Л. А. Тихомиров) // Бренное и вечное: Человек в пространстве российской государственности: мифология, идеология, социокультурная практика. Великий Новгород, 2012. С. 70–73.

возобновилось изучение его поэзии и драматургии, литературной критики и публицистики⁴. Предлагаются различные интерпретации своеобразия личности В. С. Соловьёва, определившей логику его творческих исканий, рассматриваются отдельные этапы его художественной деятельности, литературное окружение, влияние на писателя предшествующей (в основном романтической) традиции и его воздействие на литературу XX столетия⁵.

На наш взгляд, можно выделить следующие наиболее значительные этапы в изучении художественного творчества В. С. Соловьёва в России: 1) дореволюционный (исследовались эстетика, поэзия, драматургия, литературная критика, диалоги – С. М. Соловьёв, К. В. Мочульский, Е. Н. Трубецкой, Э. Л. Радлов, И. А. Аполлонская, Н. Ф. Фёдоров и др.); 2) 1920–1930-е гг. (литературная критика, эстетика – Ю. И. Айхенвальд, Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, В. В. Зеньковский, Г. П. Федотов, Я. В. Пумпянский и др.); 3) 1970-е (поэзия, драматургия, литературные связи и контакты – З. Г. Минц, А. Ф. Лосев); 4) 1990–2000-е (эстетика, литературная критика, поэзия, «Три разговора...» – Р. А. Гальцева, И. Б. Роднянская, В. В. Бычков, Е. А. Тахо-Годи, Д. М. Магомедова, С. Н. Носов, О. А. Дашевская, Д. В. Силакова, И. Б. Золотарёва, А. Г. Гачева и др.), 5) 2010-е (поэзия, драматургия, традиции – В. А. Мескин, О. Н. Зотова, Е. С. Шевченко и др.).

Из различных областей творческого самовыражения Соловьёва-писателя к 2010-м гг. наиболее исследованной оказалась поэзия⁶. Первостепенными при этом стали проблемы выявления в лирике Соловьёва эстетического и нравственного идеала, тематики и языкового своеобразия его поэтического наследия (П. П. Громов, Д. Е. Максимов, З. Г. Минц, Б. И. Соловьёв и др.). Проблема усвоения предшествующей традиции в творческом наследии Соловьёва ставилась неоднократно, однако в качестве предшественников назывались в основном представители «чистого» искусства, действительно повлиявшие на образность, приёмы, поэтический язык этого автора. При этом мало проработанным оставался вопрос об истоках его философской лирики.

Драматургия Соловьёва, в отличие от его философского и поэтического наследия, была объектом научного анализа гораздо реже: общую беглую характеристику пьес Соловьёва впервые дали его современники (С. М. Соловьёв, И. А. Аполлонская, С. Н. Булгаков)⁷. Ряд актуальных вопросов в связи с

⁴ Зуев Н. Н. «Что есть, что было, что грядет вовеки...» (Вл. Соловьёв и русская поэтическая традиция) // Рос. литературоведч. журн. 1994. № 5–6. С. 56–69; Шевченко Е. С. Эстетика балагана в русской драматургии 1900-х – 1930-х годов: автореф. дис. ... д. филол. н. Самара, 2010; Мескин В. А. Грани русского символизма: В. Соловьёв и Ф. Сологуб. М., 2010; Обласова Т. В. Религиозно-философское направление в литературной критике рубежа XIX–XX веков. Тюмень, 2012.

⁵ Буслакова Т. П. Владимир Соловьёв и «эстетическое декадентство» // Серебряный век русской литературы: Проблемы, документы. М., 1996. С. 12–23; Грякалова Н. Ю. Человек модерна: Биография – рефлексия – письмо. СПб., 2008; Дашевская О. А. Мифотворчество В. С. Соловьёва и «соловьёвский текст» в поэзии XX в. Томск, 2005.

⁶ Авдейчик Л. Л. Философская поэзия Владимира Соловьёва. Минск, 2006; Комаров С. А., Черкасова Е. А. Стихотворное и литературно-критическое наследие В. С. Соловьёва второй половины 1890-х годов: концепция русской поэзии // Вестник ИГПИ им. П. П. Ершова. 2012. № 1 (1). С. 15–20; Зотова О. Н. Лирика Владимира Соловьёва: единство на основе повторяемости: дис. ... к. филол. н. Смоленск, 2014.

⁷ Соловьёв С. М. Предисловие // Шуточные пьесы Владимира Соловьёва. М., 1922. С. 5–11; Аполлонская (Стравинская) И. А. Христианский театр. СПб., 1914; Булгаков С. Н. Васнецов, Достоевский, Вл. Соловьёв, Толстой // Булгаков С. Н. Тихие думы. М., 1999. С. 142–158.

«шуточными» пьесами поэта-философа поставила в 1970-е гг. З. Г. Минц, отметившая, что они представляют «большой интерес и с точки зрения предыстории символистского театра»⁸. Лишь в 2000-е гг. российские литературоведы стали активно обсуждать эту практически не изученную проблему. Объектом полемики явился жанр пьес Соловьёва, их влияние на формирование драмы символистов, трактовка некоторых образов, проблематика (работы И. Б. Роднянской, Н. О. Осиповой, О. А. Дашевской и др.)⁹. Однако большинство исследований было посвящено самой значительной пьесе Соловьёва «Белая Лилия», тогда как его одноактные драмы анализировались «попутно». Для нас же принципиальным представляется тот факт, что после написания многоактной пьесы Соловьёв вновь вернулся к малой драматургической форме. Кроме того, дополнительного изучения требует жанровое своеобразие «Белой Лилии» (один из спорных вопросов в соловьёвведении), художественная специфика, место произведения в драматургических поисках автора. Исследователи драматургии Соловьёва рассматривают эту пьесу, как правило, в контексте последующего периода развития русской литературы, её ретроспективный анализ не осуществлялся.

Автобиографические и биографические произведения, мемуары, тексты Соловьёва, созданные на основе платоновского диалога, практически не изучались литературоведами. За исключением, пожалуй, «Трёх разговоров...», которые достаточно активно обсуждаются как философами, так и филологами (П. Ч. Бори, Д. М. Магомедова, М. Ф. Пьяных, В. К. Кантор, Е. А. Тахо-Годи)¹⁰, но, тем не менее, исследованы недостаточно: слабо прописан историко-литературный контекст, не определено значение произведения в творческой эволюции писателя, анализируется преимущественно философская, а не художественная составляющая этого сочинения, фактически не проанализированы особенности его жанра.

Метод философской критики Соловьёва охарактеризован неоднократно, однако не изучены творческие переключки его литературно-критических оценок с оценками современников, утверждавших близкий подход к трактовке художественного текста. Аналитическое прочтение публицистического наследия Соловьёва началось лишь в 2000-е гг. Российские и зарубежные учёные (В. И. Фатющенко и Н. И. Цимбаев, Я. Красицкий, Н. Г. Баранец, В. Г. Иванов и др.)¹¹, проанализировали проблематику его публицистики, участие в ярких

⁸ Минц З. Г. Владимир Соловьёв – поэт // Соловьёв В. С. Стихотворения и шуточные пьесы. Л., 1974. С. 49.

⁹ Роднянская И. Б. «Белая Лилия» как образец мистерии-буфф. К вопросу о жанре и типе юмора пьесы Владимира Соловьёва // Вопр. лит. 2002. Май – июнь. С. 86–102; Осипова Н. Вл. Соловьёв и художественно-эстетические искания русского театра начала XX века // Сквозь грани. Культурологический альманах. Вып. 3. Киров, 2004. С. 86–91; Дашевская О. А. «Белая Лилия» Соловьёва как мистерия спасения: к вопросу об истоках «мистерийного сюжета» в литературе первой половины XX века // Судьба жанра в литературном процессе: сб. науч. тр. Вып. 2. Иркутск, 2005. С. 62–74.

¹⁰ Бори П. Ч. Новое прочтение «Трёх разговоров» и повести об антихристе В. Соловьёва, конфликт двух универсализмов // Вопр. философии. 1990. № 9. С. 27–36.

¹¹ Фатющенко В. И., Цимбаев Н. И. Владимир Соловьёв – критик и публицист // Соловьёв В. С. Литературная критика. М., 1990. С. 5–34; Красицкий Я. Проблема раздела церквей и христианского единства в публицистике Вл. Соловьёва // Соловьёв. исслед. 2005. Вып. 11. С. 87–97; Баранец Н. Г. Дискурсивные и жанровые особенности творчества В. С. Соловьёва // Соловьёв. исслед. 2002. Вып. 5. С. 18–34; Иванов В. Г. Мессианские взгляды А. С. Хомякова и В. С. Соловьёва: автореф. дис. ... к. филос. н. СПб., 2000.

полемиках эпохи. Однако даже не поставленной осталась проблема взаимосвязи литературной критики и публицистики Соловьёва с его художественным творчеством, не изучена специфика жанров и стиля Соловьёва-публициста и Соловьёва-критика.

Остаётся открытым вопрос о своеобразии соловьёвского смеха, крайне важный для осмысления принципов построения художественного мира писателя. Поставленный ещё современниками Соловьёва, он вновь оказался в поле внимания специалистов-филологов в 1970–1980-е гг. З. Г. Минц, готовя к изданию сборник стихотворений поэта, выделила особую группу «шуточных стихотворений и пародий» и справедливо отметила, что «значение этой части наследия Соловьёва до сих пор в должной мере не оценено. Ни разу не были полностью собраны шуточные и сатирические произведения поэта. Критика либо игнорировала их, либо настойчиво подчёркивала „безобидность“ соловьёвской иронии, сводя её лишь к „насмешке незлой“»¹². В 1990-е гг. к некоторым аспектам проблемы обращались В. А. Гусев и А. А. Бойко¹³, И. Б. Роднянская¹⁴, С. А. Комаров¹⁵, Н. П. Франц¹⁶ и др. Однако шуточные и сатирические произведения Соловьёва крайне редко оказывались в сфере внимания исследователей, несмотря на вывод о том, что русские символисты испытали «заметное влияние шуточных произведений В. С. Соловьёва, в особенности драматических»¹⁷.

При наличии ряда серьёзных исследований художественного наследия Соловьёва (труды З. Г. Минц, А. Ф. Лосева, Р. А. Гальцевой, И. Б. Роднянской, Д. М. Магомедовой), его творчество как целостный литературный феномен, сформированный под влиянием, с одной стороны, духовно-художественных исканий русского общества конца XIX в., с другой – внутренних личностных установок, эстетических и литературных взглядов, творческих стратегий, до сих пор не осмыслено. Сделанное предшественниками требует дальнейшей разработки не только для уяснения специфики художественного мира самого Соловьёва, но и для осознания его роли в русском литературном процессе последней четверти XIX в., для осмысления причины высочайшего интереса к этой фигуре на протяжении XX–начала XXI в. Таким образом, несмотря на достаточно широкий и представительный круг исследований, посвящённых различным аспектам наследия В. С. Соловьёва, ни в одном из них не представлено системное изучение его художественного творчества в контексте развития русской литературы второй половины XIX в.

¹² Минц З. Г. Владимир Соловьёв – поэт // Соловьёв В. С. Стихотворения и шуточные пьесы. Л., 1974. С. 36.

¹³ Гусев В. А., Бойко А. А. Ирония в художественном творчестве Вл. Соловьёва // Вопросы русской литературы: респ. межведомств. науч. сб. Львов, 1991. Вып. 1 / 57. С. 3–10.

¹⁴ Роднянская И. Б. «Белая Лилия» как образец мистерии-буфф. К вопросу о жанре и типе юмора пьесы Владимира Соловьёва // Вопр. лит. 2002. Май – июнь. С. 86–102.

¹⁵ Комаров С. А. Комедии Л. Н. Толстого и В. С. Соловьёва 1880-х годов (проблема типологии) // Дергачёвские чтения-2000: Русская литература: национальное развитие и региональные особенности: Мат-лы Междунар. науч. конф. Екатеринбург, 2001. С. 107–109.

¹⁶ Франц Н. П. Апокалиптические идеи у Фридриха Ницше и Владимира Соловьёва // Вопр. философии. 2002. № 2. С. 42–51.

¹⁷ Шевченко Е. С. Шуточные пьесы В. Соловьёва: у истоков символистской мистерии и символистского балагана // Вестн. Тамбов. ун-та. Гуманитар. науки. Филология. 2009. Вып. 4 (72). С. 148.

Научная новизна исследования, таким образом, состоит в целостном и многоаспектном изучении литературного наследия В. С. Соловьёва с учётом эволюции его творчества, историко-литературного контекста, в осмыслении специфики художественного универсума писателя через анализ его разнообразных творческих проявлений. Впервые в отечественном литературоведении исследовано художественное своеобразие произведений Соловьёва, отразивших эволюцию его эстетических взглядов; представлен целостный анализ жанровой системы Соловьёва, обосновывается влияние на неё авторских стратегий, выявляется отношение писателя к предшествующим художественным традициям, что позволяет судить о тенденциях в развитии русской словесности конца XIX в., характере взаимодействия различных литературных эпох, об оригинальности соловьёвского художественного мира. Впервые проанализированы мемуарные и биографические произведения Соловьёва, его диалоги «София», «Вечера в Каире», одноактные пьесы «Дворянский бунт», «Я говорил, что он не умеет есть», поэтические переводы, отдельные публицистические работы с попутным решением вопросов по датировке некоторых текстов. Новые материалы, введённые в литературоведческое поле, целостное исследование различных творческих проявлений Соловьёва позволяют выявить особенности его художественного мира, понять логику становления и развития писателя. В связи с этим по-иному проявляется «природа» этого литературного феномена: как совокупность разных жанровых и стилевых проявлений, обусловленных особенностью авторского мировидения и художественной индивидуальности. Значительное место уделяется анализу публицистики и литературной критики Соловьёва, языковым формам выражения авторского сознания. Всё это позволяет более ярко представить жанровое и стилевое многообразие русской литературы рубежа XIX–XX вв.

Теоретический аспект, определяющий новизну настоящего исследования, связан прежде всего с рассмотрением бытования и различных трансформаций жанровых форм в русской литературе конца XIX века через призму творчества В. С. Соловьёва. Уточняются вопросы, связанные с понятиями философской лирики, авторской стратегии, философской художественной прозы, философской критики, целесообразностью выделения категорий литературного направления, творческого сознания и художественного метода, временными границами романтического направления.

Объектом исследования становится весь диапазон литературно-художественного творчества В. С. Соловьёва – поэзия, драматургия, мемуарная, биографическая и автобиографическая проза, литературные диалоги, критика, философско-эстетические труды, публицистика, эпистолярное наследие, рассматриваемые в историко-литературном контексте второй половины XIX в. Были привлечены и важные для характеристики личности и творчества писателя воспоминания и литературно-критические оценки его современников.

Предметом изучения диссертационной работы стали особенности художественного мира В. С. Соловьёва: эстетическая основа, принципы организации, творческие ориентиры, отношение к традиции, жанровый диапазон, ключевые черты стиля.

Материалом исследования явился весь корпус литературно-художественных сочинений В. С. Соловьёва, при этом многие из них, ранее остававшиеся в рамках частных бумаг писателя-философа, в периодике конца XIX в. и чрезвычайно редко попадавшие в поле зрения учёных, введены в научный оборот впервые (шуточная и переводная лирика, одноактные пьесы, философские диалоги, биографическая и автобиографическая проза, эпистолярный).

Целью исследования является осмысление литературно-художественного творчества В. С. Соловьёва как целостной, динамично развивающейся концепции, обусловленной, с одной стороны, авторскими эстетическими взглядами, стратегиями, методологией, с другой стороны, творческим диалогом и собственно художественными законами, в общем контексте русской литературы второй половины XIX в. Цель предполагает решение следующих **задач**:

- рассмотреть литературно-художественное творчество В. С. Соловьёва в общем контексте конца XIX в., обозначив степень вовлечённости автора в писательскую среду, проследив его диалог с другими художниками слова, определив его место в литературном процессе конца XIX столетия;

- определить идейно-эстетическую основу, творческие стратегии, обусловившие ключевые черты художественного мира Соловьёва, своеобразие его художественного метода и жанровый диапазон его литературного наследия;

- осмыслить творческие проявления Соловьёва в поэзии, художественной прозе, драматургии, выявив художественное своеобразие его произведений и проанализировав специфику его художественного мира;

- исследовать жанровый состав художественного наследия Соловьёва, определить специфику функционирования разных жанров в творчестве писателя, установить особенности механизма жанровых трансформаций;

- рассмотреть ключевые особенности стиля Соловьёва-писателя, выявив важнейшие художественные приёмы и языковые средства;

- осмыслить взаимосвязь художественного творчества Соловьёва с его литературно-критическими и публицистическими выступлениями.

Общей методологической основой исследования является системное единство выработанных литературоведением подходов к рассмотрению и анализу как историко-литературного процесса в целом, так и отдельных явлений художественной литературы. Методологической основой работы явились принципы сравнительно-исторического, сравнительно-типологического, культурно-исторического, биографического, психологического, социокультурного методов, метод целостного анализа художественного произведения. Автором были использованы данные смежных гуманитарных дисциплин (философии, истории культуры, психологии, истории и др.).

Методологически значимыми для нас явились работы классиков отечественного литературоведения – С. С. Аверинцева, М. М. Бахтина, А. Н. Веселовского, В. В. Виноградова, Л. М. Гинзбург, Д. С. Лихачёва, Ю. М. Лотмана, А. П. Скафтымова и др. Важнейшую роль в формировании общей концепции исследования сыграли теоретико-литературные исследования как отечественных, так и зарубежных учёных: Л. Л. Авдейчик, А. А. Аникста, К. Н. Анкудинова, Т. И. Дроновой, Л. А. Закса, В. В. Заманской, О. В. Зырянова, В. А. Келдыша, О. А. Клинка, Е. А. Маймина, Л. Н. Малюковой, Ю. В. Манна,

В. М. Марковича, Б. С. Мейлаха, А. В. Михайлова, О. Ю. Осьмухиной, И. Ю. Погореловой, С. В. Панина, В. Я. Проппа, В. И. Тюпы, С. Н. Тяпкина, В. Е. Хализева и др. Особую ценность при изучении творческой деятельности Соловьёва, поэтики его произведений представляли работы В. С. Баевского, С. Г. Бочарова, М. Л. Гаспарова, Л. Я. Гинзбург, В. А. Грехнёва, Г. А. Гуковского, В. М. Жирмунского, Б. О. Кормана, Л. М. Лотман, А. Ф. Лосева, З. Г. Минц, В. И. Резанова, И. Б. Роднянской, Г. М. Фридлендера и др. Исследование творчества Соловьёва в историко-литературном контексте потребовало обращения к работам историков литературы (В. И. Кулешова, В. В. Кожина, Д. М. Магомедовой, Г. Н. Пospelова, В. В. Prozорова и др.), а также философов, публицистов, литературных критиков, писателей конца XIX – начала XX вв. (Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова, С. М. Лукьянова, С. М. Соловьёва, Е. Н. Трубецкого, Л. И. Шестова, Д. С. Мережковского, В. В. Розанова и др.).

Достоверность исследования обеспечивается использованием традиционных методов академического литературоведения и современных исследовательских технологий, выбором творчества В. С. Соловьёва как наиболее репрезентативной фигуры в истории отечественной словесности конца XIX в., введённого в широкий историко-литературный контекст.

Теоретическая значимость заключается в обогащении и конкретизации теории культурно-философского контекста художественной литературы путём анализа прозы, поэзии, драматургии, литературно-критического наследия В. С. Соловьёва; в выявлении закономерностей формирования поэтики русской литературы, в определении историко-литературного и художественно-философского контекстов рубежной эпохи. Содержательно конкретизированы и обогащены важнейшие историко-литературные дефиниции: «поэтика», «традиция», «авторское сознание», «авторская стратегия», «религиозно-философская критика», «философская лирика», «художественный метод».

Практическая значимость работы состоит в том, что её результаты, материалы, анализ конкретных художественных произведений и общие выводы могут быть использованы в вузовских курсах истории и теории отечественной литературы, истории культуры, курсах по выбору и факультативных курсах, посвящённых углублённому изучению литературы и культуры России конца XIX – начала XX в.; при написании соответствующих учебников и учебных пособий; при издании и комментировании литературного наследия В. С. Соловьёва. Предложенный системный анализ творчества В. С. Соловьёва может быть использован в создании общей концепции истории русской литературы рубежа веков, стать основой для исследования отечественного литературного процесса, наследия других писателей XIX–XX вв., в том числе для изучения актуальной проблемы рецепции традиций русской классики словесностью XX столетия.

Основные положения диссертации, выносимые на защиту:

1. «Переходность» фигуры В. С. Соловьёва в истории русской литературы конца XIX в. объясняется особенностями его мировоззрения и художественного метода, ведущими авторскими стратегиями. Он принадлежал к тем художникам слова, которые сознательно ограничивали свой художественный мир собственно эстетическим содержанием. Воспринимая отдельные принципы реалистической

эстетики, предвосхищая искания символистов, он был романтиком по мироощущению, идейно-эмоциональному отношению к миру, по творческому методу, основному пафосу творчества, стилю. Просветительско-пророческая и игровая стратегии в творчестве Соловьёва, жанровые приоритеты, особенности стиля свидетельствуют о том, что наследие писателя стало связующим звеном между поэтикой классической и модернистской литературы.

2. Несмотря на кажущиеся контрасты и противоречия, поэзия Соловьёва отличается жанрово-тематическим единством и свидетельствует о его следовании традициям русской лирики (Г. Р. Державин, А. С. Хомяков, В. А. Жуковский, Ф. И. Тютчев, А. А. Фет, А. К. Толстой). Соловьёвская лирика была философской по своей сути. Противоположность и одновременно созвучие творческих решений в «серьёзном» и «шуточном» лирических вариантах у Соловьёва сообщают особую оригинальность его поэтическому миру. Жанровое и стилевое своеобразие соловьёвской лирики ярко иллюстрирует сложные процессы, происходившие в русской поэзии конца XIX в.

3. Творческие искания В. С. Соловьёва в области драматургии находились в русле художественных поисков современных ему драматургов (Л. Н. Толстой, А. П. Чехов) и одновременно предвосхищали рождение нового русского театра. Художественное своеобразие одноактной драмы в творчестве Соловьёва было обусловлено, с одной стороны, ориентацией на литературную традицию и следованием ей, с другой – её переосмыслением, выражающимся в трансформации традиционных мотивов и образов, использовании новых приёмов, специфической функции смеха. Обращаясь в «Белой Лилии» к традициям русской и западноевропейской мистерии, Соловьёв трансформировал их идейное содержание и поэтику в соответствии с эстетическими и художественными принципами эпохи, своими философскими и литературными взглядами. В пьесах Соловьёва синтезировалось высокое и низкое: утверждались возвышенные идеи и осмеивалось их искажение, несовершенное существование человечества, не готового к восприятию Красоты и Истины.

4. Форма философского диалога оказалась наиболее адекватной жанровой конфигурацией для выражения философских взглядов Соловьёва в художественном варианте. «Вечера в Каире» В. С. Соловьёва и Д. Н. Цертелева были сориентированы в области формы на платоновский диалог, что выражалось в образной системе, драматизме повествования, индивидуализированности речи героев, подаче философской мысли посредством всего художественного целого, использовании приёма майевтики. В отличие от русских романтиков, Соловьёв значительно трансформировал платоновский диалог, придал ему ярко выраженные черты литературного текста. Поздний образец соловьёвского философского диалога («Три разговора...») свидетельствует о том, что в итоге писатель пришёл к синтетическому жанрообразованию, включающему черты эсхатологической повести, антиутопии, притчи, философского трактата.

5. На протяжении второй половины 1890-х гг. Соловьёв обращался к жанрам мемуаров и биографии, для которых были характерны беллетризованная форма, лиризм, поэтизация и психологизация прозаического повествования. Автобиографический рассказ «На заре туманной юности», очерки «Магомет. Его

жизнь и учение», «Жизненная драма Платона» отразили своеобразие личности и философские раздумья Соловьёва на этом этапе его творческой эволюции.

6. Литературная критика, публицистика и переписка Соловьёва демонстрируют идейную и стилевую целостность его литературно-художественного творчества. Пафосность, стилистическая разнородность, философская глубина суждений и оценок, насыщенность художественными элементами – те черты, которые определили выступления Соловьёва в этих областях. Как публицист и критик Соловьёв заложил традицию абстрактно-философского и мистического истолкования событий и литературных образов. Его переписка свидетельствует о том, что историко-литературная проблематика всегда была в сфере его внимания, а творческая манера совмещать откровенное признание с намёком, прямооту – с защитной самоиронией и литературной маской пронизывает все созданные им тексты.

Соответствие содержания диссертации паспорту специальности, по которому она рекомендуется к защите. Диссертация соответствует специальности 10.01.01 – «Русская литература» и выполнена в соответствии со следующими пунктами паспорта специальности: п. 4 – история русской литературы XX–XXI веков, п. 8 – творческая лаборатория писателя, индивидуально-психологические особенности личности и её преломлений в художественном творчестве, п. 9 – индивидуально-писательское и типологическое выражения жанровостиловых особенностей в их историческом развитии.

Апробация результатов исследования. Диссертация проходила обсуждение на кафедре русской и зарубежной литературы ФГБОУ ВО «Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарёва».

Основные положения, содержание и выводы диссертации отражены в двух монографиях, учебном пособии, в 74 публикациях автора, 19 из которых напечатаны в изданиях, входящих в перечень ВАК РФ, 1 – в журнале, индексируемом в БД Scopus. Материалы диссертационного исследования представлялись в докладах на Международных и Всероссийских научных и научно-практических конференциях: Всероссийской конференции и XXIX Зональной конференции литературоведов Поволжья «Актуальные проблемы изучения литературы в вузе и школе» (Тольятти, 2004); Второй Всероссийской научной конференции «Многоликий Толстой» (Самара, 2006); Всероссийской научно-практической конференции «Литература и театр» (Самара, 2008); Конгрессе «Русская литература в мировом культурном и образовательном пространстве» (СПб., 2008); V Международной научной конференции «Литература и культура в контексте христианства» (Ульяновск, 2008); Международной научной конференции «Эстетика и этика в изменяющемся мире» (СПб., 2009); XXI и XXII Пуришевских чтениях (М., 2009, 2010); Международных конгрессах литературоведов (Тамбов, 2009, 2014); Международной конференции «Родная словесность в современном культурном и образовательном пространстве» (Тверь, 2010); VIII Международной научно-практической конференции «Татищевские чтения: Актуальные проблемы науки и практики» (Тольятти, 2011); Всероссийской научной конференции «Вл. Соловьёв и поэты Серебряного века» (Иваново, 2011); Международной научной конференции, посв. 200-летию со дня рождения И. А. Гончарова (Ульяновск, 2012); Международной научно-

практической конференции «Наука и образование в XXI веке» (Тамбов, 2013); Международной научной конференции «Духовная традиция в русской литературе» (Ижевск, 2013); International scientific conferece «Actual problems of the theory and practice of philological researches» (М., Prague, 2014); Международной научно-практической конференции «Перевод в меняющемся мире» (Саранск, 2015); Conferința științifică internațională «Tradiție și inovație în cercetarea filologică» (Bălți, 2015), VI Международной научно-практической конференции «Православие и русская литература: вузовский и школьный аспект изучения» (Арзамас, 2019) и др.

Материалы диссертации использовались в лекционных курсах истории русской литературы, теории литературы, истории литературной критики, в курсах по выбору «Творчество М. Ю. Лермонтова в истории русской литературной критики», «Историко-мировоззренческие системы в художественном мире русской литературы», «Классическая русская литература в восприятии отечественной критики рубежа XIX–XX столетий» для бакалавров и магистрантов филологического факультета ФГБОУ ВО «Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарёва».

Структура и объём диссертации. Содержание работы изложено на 685 страницах, включая введение, шесть глав, заключение, библиографический список (612 наименований, 5 из которых – на иностранных языках).

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается выбор темы, подчёркиваются актуальность, новизна, освещается степень научной разработки проблемы, определяются цель, задачи, предмет, объект, материал, методологическая основа исследования, формулируются положения, выносимые на защиту, теоретическая и практическая значимость работы, поясняется структура диссертации.

Первая глава «Эстетико-литературные основы художественного творчества В. С. Соловьёва», включающая четыре раздела, посвящена анализу эстетических и теоретико-литературных взглядов В. С. Соловьёва (**1.1. Эстетические взгляды и концепция литературного творчества В. С. Соловьёва**), его художественного метода (**1.2. Специфика творческого сознания и художественного метода В. С. Соловьёва**), авторских стратегий (**1.3. Авторские стратегии в художественном творчестве В. С. Соловьёва**), осмыслению жанровой специфики его наследия, определившей своеобразие его литературного творчества (**1.4. Жанровый состав литературного наследия В. С. Соловьёва**).

В. С. Соловьёв – переходная фигура в истории русской литературы конца XIX в. Это отразилось в особенностях его мировоззрения, художественного метода, ведущих авторских стратегий. Он принадлежал к тем художникам слова, которые сознательно ограничивали свой художественный мир собственно эстетическим содержанием. Творчество Соловьёва с трудом укладывается в рамки отдельных историко-литературных схем. Ни романтические, ни реалистические и символистские эталоны не соответствуют полностью всему разнообразию его произведений. Однако Соловьёва следует считать романтиком по мироощущению, идейно-эмоциональному отношению к миру, принципам художественного

отражения жизни, по основному пафосу творчества, стилю. Он вполне разделял основные принципы, заявленные в программных работах русских романтиков, с небольшими вариациями, обусловленными новыми историко-литературными реалиями и особенностями собственного мировоззрения. Художественный метод В. С. Соловьёва представляет собой сложный синтез романтических принципов и переосмысленных принципов реализма. Если учитывать усиление в его поэзии 1890-х гг. социальных мотивов и сатирических приёмов, критическую основу образности, склонность к широким обобщениям, подчёркиванию социально значимой детали, психологическую мотивированность изображаемых чувств, упрощение символики, то можно говорить о трансформации романтического метода в творчестве Соловьёва. Для него, как и для романтиков, несмотря на порой противоположные декларации, чрезвычайно важной в поэзии была эмоциональная стихия, но в конечном итоге он признал необходимость преобладания «гармонической» мысли над чувствами. Его лирика отличается изобразительностью, музыкальностью, но и сильной аналитической струей. Соловьёв избегал исследования человеческих характеров, эпохи, поэтому у него отсутствовали крупные поэтические жанровые формы, развёрнутые сюжетные ситуации. Зато всё это можно обнаружить в его художественной прозе, драматургии.

На рубеже XIX–XX вв. романтизм в чистом виде воспринимался как явление отжившее, ушедшее в историю, исчерпавшее свои богатые когда-то возможности. Символисты унаследовали отдельные его эстетические принципы, значительно обновили и дополнили их. Видимо, поэтому Соловьёв-поэт был воспринят современниками не как завершающий литературную эпоху, а как открывающий новую страницу в истории русской поэзии, не как один из последних романтиков, а как один из первых русских символистов. Соловьёв вполне вписывался в стилевые процессы рубежа веков, когда под влиянием модернистской системы постепенно вытеснялось «традиционное» искусство, утверждался приоритет личностного фактора и важность метафизического начала, что вело к субъективизации и обобщённости формы, преобладанию выразительных задач над изобразительными. На жанровом уровне это проявлялось в проникновении лирической стихии в прозаические и драматические структуры; на содержательном – в активном вмешательстве автора в текст, в особой сжатости обобщений, концентрированности художественного элемента, исповедальности и автобиографичности. Соловьёв-эстетик декларировал неважность лирического «я» в лирике, но в творческой практике часто утверждал обратное. Соловьёв-прозаик создал автобиографический рассказ и биографии с ярко выраженным авторским отношением к героям.

При осмыслении художественного мира Соловьёва важно учитывать и особый авторский «проект» – те творческие стратегии, которые определяли как отдельные тексты, так и двойственность его творчества в целом. На наш взгляд, они были выработаны вполне сознательно и так же осмысленно использовались в процессе создания конкретных текстов и их продвижения к читателю, определяя жанровые предпочтения и коммуникативные приёмы (абсолютизация мысли и художественная провокация). Авторские стратегии органично сочетались с литературной традицией в «серьёзной» части творчества Соловьёва, где большое

значение имело поэтическое вдохновение и влияние духовно близких предшественников и кумиров. Заданность авторских моделей заметнее там, где они несколько подавляли свободное творческое «я», подчиняли себе текст и литературно-художественный контекст – в шуточной лирике и драматургии Соловьёва. Творческие стратегии писателя отражали основные тенденции в литературном процессе конца XIX в.: возрастающую роль авторского сознания, актуализацию авторской маски и литературной игры с читателем, разрушение жанровых и стилевых границ, значимость пародийного и автопародийного начал, синтез художественных и нехудожественных элементов. Ведущие стратегии в творчестве Соловьёва свидетельствуют, с одной стороны, о стремлении сочетать риторическое (авторитетное) и диалогическое (равноправное) авторское отношение к себе, человеку, миру, с другой – о том, что наследие писателя стало связующим звеном между поэтиками литературы классического и модернистского периодов.

Просветительно-пророческая стратегия была основной в творчестве Соловьёва. Однако формирование его игровой стратегии происходит одновременно с просветительно-пророческой, в рамках лирики 1870–1880-х гг., где в духе Козьмы Пруtkова переосмысливается творческий опыт предшественников-романтиков, создаётся «смеховой» мир карнавального характера. Постепенно игровая авторская стратегия усложняется, дополняется в 1890-е гг. авторской маской (Князь Гелиотропов), автопародийной стихией, пародированием известных повествовательных дискурсов (шуточная восточная поэзия). В результате художественный мир Соловьёва раздваивается – создаётся дополнительная самостоятельная область шуточного творчества, равноценная «серьёзному», определяемому просветительно-пророческой стратегией. Во второй половине 1890-х гг. появляется ряд текстов «на стыке» двух миров, столь шокирующих ценителей литературного творчества Соловьёва, которые не могли допустить слияния пародийного и мистического потенциалов в сознании автора. Одновременно в биографической и художественной прозе Соловьёва происходит обыгрывание автобиографического контекста, пародирование собственного литературного двойника, образ автора-персонажа использует автор-повествователь, что дистанцирует писателя от текста («На заре туманной юности»), размываются границы вымышленного и документального («Магомет. Его жизнь и религиозное учение», «Жизненная драма Платона»). В поэзии переосмысливаются и пародируются жанры старой литературы, авторская позиция раздваивается между «серьёзной» и «шуточной» составляющими. На уровне поэтического языка, с одной стороны, усиливалась полисемантичность художественной речи, ослаблялась роль предметного значения слова, художник возвышался над действительностью при помощи символизации, недосказанности, с другой – сознательно использовались элементы эстетической игры – стилевая избыточность, маска, ремарка. Соловьёв выступал в качестве то режиссёра, то актёра сценического действия, предлагая читателю стать соучастником театрального акта, разыгранного в слове.

Вторая глава «Поэтический мир В. С. Соловьёва», содержащая три раздела, посвящена осмыслению его поэзии.

В разделе **2.1. Тематическое своеобразие философской лирики В. С. Соловьёва** отмечается, что специфика соловьёвской философской лирики была связана в том числе с пестротой её тем. Поэтическая индивидуальность Соловьёва формируется в середине 1870-х–1880-е гг. Начинающий поэт-философ писал об особенной жизни природы («Природа с красоты своей...»), суетности человеческого бытия и величественности мироздания («Умные звёзды»), о будущем соединении всех в одно единое с божественным («Прометею»), свободе духа человека («Как в чистой лазури затихшего моря...»), предначертанности судьбы, связи человека с Богом, с иной жизнью («Хоть мы навек незримыми цепями»). Уже в его первых стихах оформляется несколько ключевых тем, сближающих его поэзию с традицией романтической лирики: двоемирие, сон, смерть, странничество. Шуточная лирика Соловьёва в 1870-е гг. находилась в стадии оформления, имела исключительно юмористическую направленность. По тематике она не выходила на серьёзные общественные вопросы, разрабатывала в юмористическом ключе тему мудрости («Мудрый осенью»), романтизма и рыцарства («Таинственный гость»), женской эмансипации («Читательница и анютины глазки»). К концу 1870-х гг. Соловьёв всё чаще обращается к романтической иронии, представляя высокие темы любовных разочарований, осмысления места человека в мироустройстве, предвидения грядущего в сниженных вариантах (переводы Г. Гейне «Умные звёзды», «Уж солнца круг, краснея и пылая...» и др.).

В 1880-е гг. тематика поэзии Соловьёва расширяется. Расцвет переживает его любовная лирика, совпавшая по времени написания с глубоко драматичными отношениями с С. П. Хитрово («Безрадостной любви развязка роковая!» и др.). Примечательно, что, начиная с 1870-х гг. и на протяжении всего его творчества интимно-психологическое в лирике переплетается с философским. Уже в ранних его стихотворениях образ возлюбленной соотносится с Вечной Женственностью, так что картины свиданий с избранницей приобретают философский смысл и могут быть трактованы как эпизоды нисхождения Вечной Женственности в мир, очищения любовью, смирения тьмы перед светом в душе любящего. Поэтический образ Софии олицетворял у Соловьёва связующее звено между мирами, любовь понималась как чувство, открывающее в человеке способность к непосредственному общению с Богом.

В переводах Соловьёва 1880-х гг. преобладали стихи, посвящённые темам прославления любви как особой божественной силы («Пусть целый свет мне запрещает...»), гедонистического воспевания жизни («Языков так много, много!»), вина («Горькой мудростью людскою...»), любви и смерти («Всё в мыслях у меня мгновенно замирает...»). Оптимистическое настроение, доминирующее в это десятилетие, определило характер переводческих интересов (Петрарка, Данте, Микеланджело). В духе ренессансного мироощущения Соловьёв прославлял земную любовь, подчёркивал её связь с небесным, утверждал способность человека достигать высот божественного («Хваления и моления Пресвятой Деве»).

В 1880-е гг. оформляется пейзажная лирика Соловьёва, изображающая особую жизнь природы («Земля-владычица! К тебе чело склонил я...»), очищающее влияние её гармонии на душу человека («В Альпах», «Осеннюю дорогой» и др.), утверждающая идею всеединства в природе («L'onda dal

mar'divisa»). В отличие от романтиков, тяготевших к ночному пейзажу и соотносивших его с внутренней жизнью человека, миром души, временем господства духов, Соловьёв-поэт не изображал тайны ночи. Ещё одна черта, отличающая соловьёвскую лирику природы от романтической поэзии школы В. А. Жуковского, – большая объективность пейзажа.

Под псевдонимом Экспер Гелиотропов Соловьёв создаёт ряд шуточных стихотворений о конфликте поколений («Молодой турка») и трудностях жизни романтиков-мечтателей, утверждающих рыцарские принципы (пародия на М. Ю. Лермонтова «Видение», «Таинственный пономарь», «Осенняя прогулка рыцаря Ральфа»). Важным нововведением в поэтике шуточной лирики Соловьёва этой поры следует считать самоиронию (перевод из Гафиза «Зданье жизни твоей ныне...»), усиление общественно-сатирического начала («На Т. И. Филиппова» и др.).

В лирике Соловьёва 1880-х гг. появляется тенденция к параллельному воплощению темы одновременно в «серьёзном» и шуточном вариантах, сохранявшаяся до конца жизни. Он пишет о вдохновенности любви, её силе, чудотворном воздействии на любящее сердце («От улыбки твоей благодатной...») и параллельно разрабатывает тему злых жён («Полигам и пчёлы»), опасностей любви («Молодой турка»), женской неверности («Осенняя прогулка рыцаря Ральфа»), осмеивает любовь к зрелым дамам («Люблю я дам сороколетних...»). Поднимая назначение творчества до подвига, служения, пророчества («Три подвига», «А. А. Фету, 19 октября 1884 г.», эпиграмма Дж. Б. Строщи и др.), в «Пророке будущего» он рисует поэта как непонятого окружающим безумца.

Корпус философской лирики Соловьёва этого этапа посвящён таинственной жизни души («В Альпах»), воспоминаниям о былом, о мистической родине («Бескрылый дух, землёю полонённый...»), пересечении миров, двойственности бытия («Какой тяжёлый сон! В толпе немых видений...»). Появляется тема пророчества о наступлении золотого века («Поллион»). Поэт-философ рассуждает о жизненных ориентирах («От пламени страстей, нечистых и жестоких...») и определяет человеческий путь как вечный поиск и странничество («В тумане утреннем неверными шагами...», «Бедный друг, истомил тебя путь...», «Моя ладья»).

1890-е гг. – время расцвета художественного творчества и поэзии Соловьёва. При сохранении некоторых ранее намеченных тем в философской лирике Соловьёва появляется ряд новых: апокалиптическая, историософская темы («Ex oriente lux», «Панмонголизм» и др.), тема «невыразимого» («Зачем слова? В безбрежности лазурной...»). Уже с начала 1890-х гг. в его поэзии разрабатывается тема памяти, уходящих чувств и отношений, минувшего («На том же месте» и др.), возникшая в связи с жизненными потерями и расставаниями. Постепенно она переплетается с темой смерти, окрашивается в характерные для автора мистические тона, дополняется мотивом зова отошедших из неведомого мира и превращается в одну из ключевых для поздней поэзии Соловьёва («Отошедшие» и др.). Тема смысла жизни несколько трансформировалась у Соловьёва в 1890-е гг. В связи с проникновением в поэтическую трактовку человека тютчевской мысли о синтезе в нём демонического и божественного начал («Гроза утром») жизнь осмыслялась то как подвиг («Если желанья бегут, словно тени...»), то как

апелляция к силе Христа («В час безмолвного заката...»), то как ответ на вопрос Бога («Нет, силой не поднять тяжёлого покрывала...»), то как война («Мирный сон снится вам...»). Соловьёв подчёркивал силу затаившегося мирового зла («Колдун-камень»), но уповал на помощь человечеству светлых небесных сил («Нильская дельта», «Три свидания»).

Заметны изменения в интимной лирике Соловьёва этого периода. Начало 1890-х годов (1891–1892) совпало со временем его последнего романтического увлечения С. М. Мартыновой, что привело к возрождению поэтической активности («мартыновский» цикл стихотворений: «Три дня тебя не видел, ангел милый...» и др.). Если лирический герой ранней поэзии Соловьёва часто представлял в образе рыцаря, посвятившего свою жизнь служению Прекрасной Даме, с которой он на равных участвовал во вселенской битве за просветление тёмных сил Хаоса, то теперь его любовь более земная, в лирическом герое узнаваемы авторские черты, а образ лирической героини снижен. Изменения в интимной лирике Соловьёва отразились и в его текстах софийной направленности: появляются иронические ноты при воплощении темы нисхождения Вечной Женственности в человеческий мир («Das Ewig-Weibliche» и др.). Пейзажная лирика Соловьёва в 1890-е гг. развивалась от романтико-мистических лирических зарисовок в духе В. А. Жуковского («Ветер с западной страны...») к пейзажам тютчевского, философского, типа («Ночь на Рождество», «На Сайме зимой», «Лунная ночь в Шотландии», «Прощание с морем» и др.).

В шуточной лирике Соловьёва 1890-х гг. преобладала социальная сатира. На расширение тематического диапазона этой разновидности его поэзии могло повлиять в том числе активное жанровое экспериментаторство. Многообразие жанровых решений вело к расширению тематики: критика деятельности правительства («Привет министрам»), осуждение мнимой религиозности («Затеблю я свою лампаду...»), воображаемого общественного прогресса («Я не люблю таких ироний...»), разоблачение земных кумиров («Кумир Небукаднецара»), деятельности российских судов («Вы – стадо баранов! Печально...»), основ текущей общественной жизни («М. М. Стасюлевичу»), женского вопроса («Придёт к нам, видно, из Лесбоса...») и др. В шуточном ракурсе он начинает трактовать «серьёзную» тему творчества («Редакторы и друзья!», «Я клянуся сей бумагой...» и др.). Некоторые темы воплощались им одновременно в «серьёзном» и шуточном вариантах – взаимообусловленность жизни человека и природы («Этот матово-светлый жемчужный простор...» и «Поэт и грачи»), нравственность («Когда в свою сухую ниву...» и «Дорогой Михаил Альбертыч!»).

В разделе **2.2. Жанрово-стилевые особенности лирического творчества В. С. Соловьёва** рассматриваются жанровый диапазон поэзии Соловьёва и её стиль.

В поэзии Соловьёва присутствуют как лирические (элегия, послание, слово, видение, ода, гимн, эпитафия, акrostих, пародия, автопародия, эпиграмма, духовный стих, эклога, песня), так и лиро-эпические (баллада, басня, лирическая поэма) жанровые формы. Наличие в ней «чистых» жанровых форм лишь оттеняет пристрастие этого автора к жанрам смешанным. Об этом свидетельствует и его шуточная лирика, где сатира совмещалась с одой и гимном, а баллада – с

пародией, и «серьёзная» поэзия, в которой гражданский пафос оды или гимна соединялся с элегическим.

Соловьёв унаследовал традиции романтической элегии медитативного типа, предполагающей грустные размышления о жизни и смерти, призрачности тщеславных устремлений, сожаления о быстролётности счастья и неотвратимости конца и соответствующую поэтику – определённый зачин, выстроенность на антиномиях, размеры замедленного течения («В былые годы любви невзгоды...», «Les revenants» и др.). Особенности элегий Соловьёва можно считать новый тип художественной организации жанра: с одной стороны, поэт значительно сократил традиционный размер описательной элегии В. А. Жуковского, с другой – включил смысловые отсылки к знаковым элегиям предшественников, прямые цитаты из них, переключку на уровне рифмы («Сельское кладбище»).

Элегичность наиболее заметна в его стихотворных посланиях, развивающих темы человека и времени, человека и судьбы («Л. М. Лопатину» и др.). Соловьёвские послания представляют своего рода поэтический дневник, основанный на биографических фактах, художественно трансформированных в сознании поэта. Это драма и любовных отношений, и духовных сомнений, и жизненных разочарований. При романтическом утверждении ценности частной жизни в посланиях Соловьёва иронически характеризовался адресат («О Грот сверхвременный, пещера созерцаний!...»), скептически подводились итоги собственной жизни («Скоро, скоро, друг мой милый...»).

Совершенно особую группу в поэзии Соловьёва представляют стихотворения, связанные с древнерусскими жанрами слова, видения, знамения, плача («Ответ на „Плач Ярославны“ К. К. Случевского», «Das Ewig-Weibliche», «Знамение» и др.), которые вошли в его поэтический мир через посредство творчества К. К. Случевского. В «серьёзной» лирике Соловьёв следует традициям, характерным стилистике и ритмике древнерусского плача и слова. В шуточном варианте («Видение», «Метемпсихоза») они пародируются.

В переводной лирике Соловьёва встречается эклога – перевод четвертой эклоги Вергилия «Поллион» со всеми атрибутами жанровой формы: пастушеская тематика, характерный топос и аллегорическое толкование (пророчество о пришествии Христа).

В рамках шуточной лирики Соловьёв писал акrostихи («Сафо», «Матрёна»), эпитафии («Эпитафия»), шуточные стихотворения («Таинственный гость»), оды («Ода»), гимны («Гимн»), баллады («Осенняя прогулка рыцаря Ральфа»), басни («Полигам и пчёлы»), эпиграммы («Сановитый блюститель...»), пародии («Горизонты вертикальные...»), автопародии («Эти финские малютки...», «Цвет лица геморроидный...»).

Лирическая поэма «Три свидания» (1898) Соловьёва тяготела, с одной стороны, к традициям романтической поэмы (краткость, небольшое количество персонажей, динамичность фабулы, обрисовка только самых важных событий, недомолвки, этнографически верное описание быта чужого народа). С другой стороны, её многое отличало от романтического аналога: композиция, повествование от первого (а не от третьего) лица, автобиографический характер героя.

Философской лирике Соловьёва свойственен символизм. Чаще всего соловьёвские образы-символы возникали из метафор, обозначающих область света, безмолвие и безграничность пространства, они настойчиво повторялись и постепенно обретали символическое значение. Однако использовал Соловьёв и символы, возникшие на уровне номинации (София носит у него имена Подруги Вечной, Богини, Царицы, Небесной Афродиты, Девы радужных ворот, Жены, облечённой в солнце и др.). Для выражения рационально непостижимого Соловьёв наряду с символами использовал недосказанность, намёки и перифразы, создающие неопределённость. Если у символистов символ всегда имел собственно символическую трактовку, что являлось основой для их мифотворчества, то у Соловьёва это было не постоянно. Поэзии Соловьёва были свойственны изобразительность, зримость образа, повторяющаяся цветопись, склонность к определённой цветовой гамме. При этом возможности цвета использовались не столько для точного воссоздания окружающего мира, сколько для передачи своего отношения к нему. Многие стихотворные произведения Соловьёва отличаются музыкальностью, звуковым совершенством. Не случайно так много романсов было создано на его тексты ещё современниками. В мелодическом плане в поэзии Соловьёва использовались разнообразные размеры, как трёхсложные, так и двусложные с женскими, мужскими и дактилическими рифмами при явном тяготении к классическим размерам А. С. Пушкина и Ф. И. Тютчева. Особенно любимым являлся для поэта разностопный ямб, который приближал ритмику произведения к интонации живой речи. Активно использовался и четырёхстопный ямб, предпочитаемый Е. А. Баратынским, поэтами-любомудрами, Ф. И. Тютчевым – теми, кто создавал русскую «лирику мысли».

Для Соловьёва была характерна особая «геометрия» стиха. Зрительное строение стиха у него часто имело символическое значение, уравнивало отвлечённость образной системы и отражало упорядоченность, продуманность его поэтического мира. Стройности композиции его произведений способствовало использование анафоры, лексического повтора, синтаксического параллелизма (это одновременно было связано и реализацией пророческой стратегии творчества). Оригинальность соловьёвской графики определялась употреблением разностопного (вольного) ямба со смещением отдельных строк относительно друг друга вправо или влево, с чередованием попарно или через одну строку. Это способствовало выделению отдельных слов или фраз, оттенков выражения мысли. Эксперименты Соловьёва в области графики стиха, предвосхитили искания символистов брюсовской линии в области поэтической формы.

В разделе **2.3. Поэтическая традиция в лирике В. С. Соловьёва** исследуются усвоение и трансформация традиций «чистой» и философской поэзии в лирических произведениях Соловьёва.

Поэтическое творчество В. С. Соловьёва представляет особое явление, тесно связанное с традицией русской классической лирики, восходящее к творчеству Г. Р. Державина, В. А. Жуковского, А. С. Хомякова, Ф. И. Тютчева, А. А. Фета, А. К. Толстого, но вместе с тем и вполне самобытное.

Через фигуру Ф. И. Тютчева Соловьёв был связан с державинским кругом тем и мотивов: именно к Г. Р. Державину восходило совмещение просветительской и пророческой творческих стратегий («Властителям и судиям»),

дидактичность, риторичность (ораторские формулы, императивы, риторические вопросы, восклицания и обращения с междометием «О!», одическая фразеология). Через посредство Ф. И. Тютчева поэзия Соловьёва имела родственные связи и с творчеством В. А. Жуковского. Это касалось представления о сущности творческого акта, о поэтическом вдохновении («Лалла Рук», «Явление поэзии в виде Лалла Рук»). Как и у Жуковского, любовная лирика Соловьёва лишена эротических и анакреотических мотивов. В последние годы жизни Жуковский уже не противопоставлял идеальное и материальное, «небесное» и «земное» (стихотворение «Праматерь внуке»). Эта идея соединения основополагающих компонентов бытия стала предвестием метафизики всеединства Соловьёва.

Знаковым произведением Жуковского для Соловьёва стало «Сельское кладбище», несмотря на то, что основатель русского романтизма видел в природе зачатки духовности, а в соловьёвском понимании красота природы неодухотворена, в отличие от красоты искусства, пропущенной через сознание человека-гения. Очевидно, что Соловьёву было дорого не только ключевое настроение и идея произведения Жуковского, но и стиль, язык. Глубокое чувство, переданное через тонкие оттенки, сдержанная эмоциональность, одухотворённость и лиризм пейзажа, медитация, раздумья, умеренное употребление церковнославянизмов, традиционных оборотов высокого одического стиля – те черты, которые, очевидно, должны были привлечь его как поэта.

Обращаясь к жанру баллады, Соловьёв воспринял и специфические особенности баллад Жуковского. Во многих стихотворениях Соловьёва («Как в тихой лазури затихшего моря...», «Близко, далёко, не здесь и не там...» и др.) присутствуют черты суггестивного стиля, заложенного Жуковским. Именно Жуковский ввёл принцип поэтического перевода, в котором главными задачами было создание столь же совершенного в художественном отношении текста, как и оригинал, сохранение эмоционального воздействия, которое несёт источник («О басне и баснях Крылова»). Этому принципу следовал Соловьёв-переводчик, выбирая для работы, как и его предшественник, такие произведения, которые и идейно, и художественно соответствовали его собственным творческим устремлениям (тексты Платона, Гафиза, Ф. Шиллера, Ф. Петрарки, А. Мицкевича, Г. Гейне и др.).

Духовным и поэтическим предшественником Соловьёва был мыслитель и поэт А. С. Хомяков. Наиболее заметны традиции лирики А. С. Хомякова в историософской поэзии Соловьёва («Ех oriente lux», «Дракон» и др.), где присутствуют хомяковский стих, интонации, лексика, пафос («России», «По прочтении псалма»). Очевидна общность некоторых мотивов в поэзии Хомякова и Соловьёва: странничество («Зима» и «Коль обманулся ты в любви...», «Ночное плавание»), соборность как основа сознания, всеединство («Кремлевская заутреня на Пасху», «России», «Раскаявшейся России» и «Прометею»). Наконец, философскую поэзию Хомякова и Соловьёва сближает общее направление развития. Как и у Хомякова, в произведениях Соловьёва последних лет появляется особая напряжённость ситуаций, конфликтность, трагические тона, тема страданий, беспросветной ночи, нравственных потрясений («Помнишь, по стезе нагорной...» и «Непроглядная темень кругом...»). На уровне стиля это выражается

в декламационной патетике, тяготении к архаическому словарю, высокой книжной лексике, использовании риторических вопросов, восклицаний, обращений, побудительности, восходящей к библейскому стилю «заповедей».

Соловьёва без преувеличения можно причислить к поэтам тютчевской школы (о близости его тематики тютчевскому поэтическому миру свидетельствует частотный словарь поэзии Соловьёва). С одной стороны, он опирался в поэзии Тютчева на близкие для себя идеи. С другой – переносил на чужой поэтический материал категории собственной философской системы. Одной из главных тютчевских тем, к которым обращался Соловьёв, стала тема перехода между мирами. В своих стихотворениях («Взгляни, как ширь небес прозрачна и бледна...» и др.) поэт неоднократно повторял мысль Тютчева о смещении границ двух миров. Мотивы соловьёвских произведений «Зачем слова? В безбрежности лазурной...», «О, что значат все слова и речи...» близки мотивам знаменитого «*Silentium!*». Однако Соловьёв отвергал словесный способ общения не из-за бессилия и лживости слова, как Тютчев, а потому, что предпочитал более действенный способ проявления себя – «незримое свидание», «нездешняя встреча», «немой привет» и т. д. Вообще для поэзии Соловьёва характерно преобладание визуального ряда над звуковым (доминирует либо тишина, либо «далёкие» голоса, «немые приветы»).

Влияние на Соловьёва лирики А. А. Фета объясняется тесным общением двух поэтов в 1880-е гг., близостью эстетических идеалов, сотворчеством. Элементы фетовской поэтической системы всегда осваивались Соловьёвым критически, в соответствии с собственным мировоззрением, эстетической системой. При всей разнице политических и человеческих идеалов двух авторов, усиление в поздней лирике Фета философской направленности может рассматриваться и как результат влияния его более молодого современника. Основой для сближения этих поэтов оказалась идея объективности природной красоты. В природе Фет видел ключ к вековым тайнам бытия. Как и Фет, Соловьёв считал природу живым существом, но существом, ожидающим от человека одухотворения. Явные следы поэзия Фета оставила на уровне соловьёвской образности: Соловьёв воспринял и развил фетовские образы пути, круга, «невесты-царицы». Пересекаются поэтические миры двух авторов и тематически: общими являются темы памяти, мирового устройства вселенной и места в нём человека. Если для Фета мелодика стиха была прежде всего музыкой состояний природы и переливов чувств человека, для Соловьёва – возможностью отразить тональность иного, незримого для человека мира или его присутствие в мире реальном. Словарь Фета заметно трансформировался в стихотворных текстах Соловьёва, обрёл новый круг значений, связанный с мифопоэтическим сюжетом о Софии («Я ждал. Невестую-царицей...» и «У царицы моей есть высокий дворец...»). Элементы фетовской ассоциативной поэтики, приём соединения неожиданных, разнохарактерных образов и эпитетов для создания краткой разносторонней характеристики предмета также использовался Соловьёвым.

Поэтическая традиция А. К. Толстого оказалась близка Соловьёву прежде всего вследствие близости эстетических взглядов этих авторов. В пейзажной лирике Толстого Соловьёв обнаружил дорогие для себя мысли о выражении через природную красоту высшего смысла жизни, о соотношении красоты с «сиянием

вечной истины и любви», о двойственности мировой жизни, о хаотическом начале бытия, вечно вызывающем силу Божью к борьбе. Общность мировидения двух поэтов проявилась и в частой слитности тем природы и любви в их лирике (внутренний мир человека давался в соотношении с образами природы), и в сходной эволюции их поэтических пейзажей от пышных и экзотических к более простым (финские поэтические зарисовки Соловьёва, его «Белые колокольчики» и «Вновь белые колокольчики»). Любовная лирика Толстого позволила Соловьёву вернуться к некоторым положениям его философии любви. Как и Толстой, он создавал образ романтической возвышенной любви, которая во многом является следствием неприятия действительности, стремлением увидеть проблески иного мира. Если для лирических героев обоих поэтов свойственно рыцарское служение Прекрасной Даме, то миссия соловьёвского, безусловно, более космична: он на равных правах с нею участвует во вселенской битве за просветление тёмных сил Хаоса, за «обожение» мира, своей любовью приближает миг торжества «света» над «тьмой».

Стихотворения Соловьёва «Три подвига», «Кумир Небукаднецара», «Пророк будущего» развивали толстовские темы божественного источника поэзии («Тщетно, художник, ты мнишь, что творений своих ты создатель!»), деспотизма и подвижничества («Василий Шибанов», «В землю обетованную»). И Толстой, и Соловьёв – поэты-романтики, которые выстраивали свои художественные миры с учётом принципа двоемирия, противопоставления высоко духовного и низменного материального начала. Общность художественного метода определила и соединение романтизма философской лирики с реалистическим психологизмом. Баллады Толстого «Алеша Попович», «Сватовство», лишённые острого конфликта, повлияли на «полубаллады» Соловьёва, имеющие краткую форму, этический вывод, но не отличающиеся особым драматизмом. Шуточные стихотворения Соловьёва восходили к традициям Козьмы Пруткова, одним из создателей которого был А. К. Толстой. Пародии и автопародии Соловьёва 1870–1880-х гг. были основаны на убеждённости в нелепости, комичности и хаотичности реального мира, в котором любое может быть соединено с любым.

В третьей главе «Драматургия В. С. Соловьёва в историко-литературном контексте последней четверти XIX столетия» исследуется драматургическое творчество Соловьёва и его место в историко-литературном процессе.

В разделе 3.1. Художественное своеобразие одноактных драм В. С. Соловьёва рассматривается «малая» драматургия Соловьёва. Большинство его одноактных пьес написано в соавторстве. Художественное своеобразие первого драматургического произведения, «Альсим» (1876–1878), во многом определяется принадлежностью к жанру комедии-шутки. Комичен сюжет и образ главного героя, романтика, влюбившегося в бородатую даму из Трапезунда. Ведущими приёмами в «Альсime» становятся каламбур и нонсенс, подчёркивающие ложь, бессмысленность и алогичность реального мира. Комизм образа Альсима создаётся и при помощи обильных реминисценций из русской классики (А. С. Пушкина, И. А. Гончарова, А. Н. Островского и др.), которые обыгрываются в пародийном ключе. Соловьёв использовал приём комической перверсии – носителем мужественности оказывается Элеонора, а слабости, романтичности – Альсим. Образ героини, которая много пьёт и постоянно бьёт

своего воздыхателя, пародирует идеальную возлюбленную романтиков. Приёмы балаганного изображения мира (фарс, нонсенс, абсурд, пародия, всякого рода преувеличения, искажение пропорций и пространства, разговор персонажей на «разных» языках) присутствуют в эпизоде встречи Профессором Сатаны «на вокзале Курской железной дороги», в описании манеры общения Альсима с женой. Они определили художественную технику скачкообразного перемещения с уровня на уровень – метафизический, узкобытовой, личностный, романтический, подчёркнуто практический.

«Дворянский бунт» (1891) – «современно-гражданская пьеса с учёными примечаниями и спиритическими явлениями». Изображение повседневной жизни дворянина как балагана в ней близко карикатуре. Вместе с тем характеристика произведения как «политической сатиры», «политического памфлета», которую предлагал, например, С. М. Соловьёв¹⁸, является, на наш взгляд, натяжкой: автор излагал свой критический взгляд на современное российское общество вообще, падение нравов в высших сословиях трактовалось как признак времени, результат общей деградации человечества, идущего к концу своей истории. Сюжет пьесы ослаблен, носит характер «сцен», рисующих картину быта и нравов дворянства. В отличие от первой драмы Соловьёва, конфликт здесь скрыт, не воплощается через конкретных героев: рисуются лишь жизненная ситуация, определённые обстоятельства, которые ярко характеризуют персонажей, большое значение обретает подтекст. Пьеса Соловьёва близка фарсу, что выражается в комизме положений, цепи остросюжетных ситуаций, эксцентризме, образах, содержащих социальную типизацию, использовании приемов буффонады. Соловьёв использовал разнообразные оттенки смеха: юмор, насмешку, иронию, сатиру, сарказм. Он не стремился к индивидуализации характеров своих героев, показывал в основном обобщённые образы. Главные средства характеристики персонажей в его пьесе – поступки и речь. Чёткость авторской позиции, сатирическое изображение действительности, историческая природа образов, уменьшение количества реминисценций, расширяющих литературный контекст, но уводящих от реальных фактов, соотнесённость персонажей с их социальной принадлежностью, воспроизведение исторического фона, многообразие человеческих типов – всё это сближало пьесу Соловьёва с традициями реалистического искусства.

В разделе **3.2. «Белая Лилия» как вершина драматургического творчества В. С. Соловьёва** анализируется главное драматургическое произведение Соловьёва – мистерия-шутка «Белая Лилия» (1878–1880, 1893). Ее особая значимость для художественного наследия Соловьёва объясняется, во-первых, тем, что это его единственная многоактная драма, включающая три действия; во-вторых, в ней переплетаются и сокровенные авторские идеи, определившие суть его философской концепции, и особая поэтическая образность. В основе сюжета произведения – соловьёвская идея Вечной Женственности, которая способна одухотворить человечество. Текст включает шесть стихотворений из «серьёзной» лирики Соловьёва («На звёзды глядишь ты, звезда моя светлая!» и др.) и восемь –

¹⁸ Соловьёв С. М. Владимир Соловьёв: Жизнь и творческая эволюция. М., 1997. С. 276.

из шуточной («Ах, зачем родилась я девицей...» и др.). В-третьих, пьеса традиционно воспринималась как парадоксальная, спорная по эстетическим достоинствам, в невыгодном свете представляющая его создателя, авторитетного религиозного мыслителя.

«Белая Лилия» основывалась на традициях средневековой мистерии, переосмысленных с учётом опыта русской романтической мистерии (В. К. Кюхельбекер, отчасти И. С. Аксаков, Ф. Л. Соллогуб), и тяготела к самопародии. В «Белой Лилии» Соловьёв соединил жанровые возможности западноевропейской (буффонная составляющая) и отечественной мистерии XVIII столетия (мистерияльное содержание воплощено вполне серьёзно, с учётом катарсических возможностей жанра).

В разделе **3.3. Драматургия В. С. Соловьёва и русский театр конца XIX века** изучаются связи Соловьёва-драматурга с современным ему театром, выявляется если не прямое, то опосредованное влияние теоретико-эстетических суждений Соловьёва и его драматургии на художественные поиски русского театрального искусства конца XIX – начала XX столетий, на развернувшуюся на рубеже веков полемику о путях развития драматургии.

Реалистическая драматургия последних десятилетий XIX в. была представлена прежде всего творчеством двух писателей, имеющих особое значение для русской культуры 1880–1890-х гг.: Л. Н. Толстого и А. П. Чехова. Несмотря на многолетнюю философскую полемику с Л. Н. Толстым, в 1890-е гг. взгляды Соловьёва парадоксальным образом оказались созвучными его убеждению в том, что этический и эстетический идеалы неразрывны, искусство определяется общечеловеческими духовными задачами. Ближе всего соловьёвскому театру были толстовская драма «Власть тьмы» (1886) и комедия «Плоды просвещения» (1889–1890). У Соловьёва, в отличие от Толстого, не наблюдалось заострённости социальных мотивов, отсутствовала дифференциация персонажей по социально-нравственному принципу, бытовая обстановка не определяла в значительной степени действия героев, не столь глубоко был отражён внутренний конфликт главного персонажа. Однако общность между драматургическими опытами Соловьёва и пьесами Л. Н. Толстого просматривается на уровне идей, функции второстепенных персонажей, эпичности сюжета, структуры, этического пафоса.

С А. П. Чеховым Соловьёв-драматург оказался связан общностью философско-нравственной проблематики, пристрастием к «малым жанрам», развитием традиций комедии положений, использованием стихии бесшабашной буффонады (гиперболизация, анекдотическая форма, смешные бытовые подробности, говорящие фамилии, потасовки, перебранки), приёмов парадокса, гротеска, зеркальности действия, комического утрирования, двусмысленности. «Белую Лилию» и «Чайку» сближает и тенденция к эпизации драматического действия (вводятся мотивы, развивающие второстепенные сюжетные линии, образы схематизируются), взаимопроникновение комического, трагического и лирического. «Дядя Ваня», «Три сестры», «Вишнёвый сад» соотносятся с «Белой Лилией» через содержание временного компонента, изображение скрытого трагизма, который выражался через диалоги, не имеющие, казалось бы, отношения к делу, символику, драматизм повседневной ситуации.

Творческие искания Соловьёва предвосхищали рождение русского символистского театра: в его шуточных пьесах вызревали театральные идеи, которым суждено было осуществиться позднее (театральные концепции Д. С. Мережковского и В. И. Иванова; традиция «кружковой» драмы; эксперименты в области жанра, приёмов).

В четвертой главе «Своеобразие философской художественной прозы В. С. Соловьёва» исследуются диалоги Соловьёва и «Краткая повесть об антихристе».

В разделе 4.1. «Вечера в Каире» и «София» в творческом становлении В. С. Соловьёва-прозаика изучается значение диалогов Соловьёва, созданных в 1870-е гг., для дальнейшего развития его художественной прозы. Форма «Вечеров в Каире» (1876), написанных Соловьёвым в соавторстве Д. Н. Цертелевым, и «Софии» (1876) была сознательно сориентирована на платоновский диалог. Эксперименты писателя с этой жанровой формой на раннем этапе творчества связаны с поиском наиболее подходящей жанровой конфигурации для выражения своих философских взглядов. Если сравнить его произведения с философскими диалогами платоновского типа, созданными в русской литературе ранее (Д. В. Веневитинов «Анаксагор») можно обнаружить значимые различия. В «Вечерах в Каире» образы собеседников прописываются отчётливее, присутствуют элементы драматургии (заданность обстановки, второстепенные персонажи, полемика, многоголосие). «Вечера в Каире» оказали влияние на литературное творчество Соловьёва конца 1870–1890-х гг., определили художественные приёмы «Альсима», «Белой Лилии», «Дворянского бунта»: пародирование персонажей, использование иронии, каламбуров, намёка на предмет вместо его изображения. Тема спиритизма «Вечеров в Каире» по-новому была переосмыслена в «Дворянском бунте», использование комического сюжета стало основополагающим для всех драматургических произведений Соловьёва.

В разделе 4.2. Художественные особенности «Трёх разговоров о войне, прогрессе и конце всемирной истории» изучается итоговое произведение Соловьёва, в котором он вновь обратился к опыту создания платоновского диалога. Здесь с помощью диалога-спора были раскрыты различные точки зрения по ряду «вечных» вопросов, впервые поставленных в «Вечерах в Каире»: возможности и пределы науки, законы природы, устройство вселенной, жизнь души и т. д. Художественная организация последнего произведения Соловьёва диктовалась не просто репликами собеседников, которые двигали философский сюжет, но и авторской идеей приближения конца мира. Она раскрывалась не сразу, была заложена в художественном целом. Соловьёв индивидуализировал речь собеседников, так что каждый персонаж представал не только рупором той или иной концепции, но и неповторимой личностью со своей манерой говорить и держаться. В отличие от «Вечеров в Каире», в «Трёх разговорах...» довольно много кратких и развёрнутых ремарок, передающих манеру самовыражения героев, дополняющих их характеристики, способствующих созданию целостных образов. Влияние Платона в «Трёх разговорах...» заметно на уровне организации образной системы, ироничности, полемичности. Явным отступлением от платоновской традиции стало присутствие авторского «я» за масками персонажей-оппонентов. Таким образом, Соловьёв ощутимо трансформировал философский

диалог как жанр, даже по сравнению с «Софией» и «Вечерами в Каире». Собственно художественное присутствует здесь в большей степени: философский сюжет обоснован не простой сменой реплик героев, но и их отношениями, определённой интригой; автор продумал структуру текста, в которой явно выделяются и экспозиция, и завязка, и кульминация, и развязка. Значительную часть произведения занимают развёрнутые эпические вставки: авторское вступление, «Повесть об антихристе», идейный центр диалогов, текст повествователя, скрепляющий структурные части воедино. Главным композиционным приёмом произведения становится «рассказ в рассказе».

«Три разговора...» Соловьёва – это литературный диалог. Произведение имеет синтетический характер, поскольку содержит черты нескольких литературных жанров (памфлет, автобиография, поучительный псевдоанекдот, притча, шуточное стихотворение), объединяет философский, публицистический и художественный дискурсы. Соединение нескольких диалогов в единый текст позволяет соотнести соловьёвское произведение с художественными текстами мировой литературы, написанными в виде цепи рассказов и объединёнными беседой действующих лиц («Декамерон» Д. Боккаччо, «Русские ночи» В. Ф. Одоевского и др.).

В разделе 4.3. «Краткая повесть об антихристе» и традиции русской эсхатологической литературы анализируется завершающее «Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории» произведение в контексте апокалиптической традиции русской словесности. Именно жанр апокалипсиса позволил Соловьёву художественно выразить собственный взгляд на проблему зла, продолжить полемику с идейными оппонентами, главным из которых представал Л. Н. Толстой. Новаторскими чертами в области этой жанровой формы у Соловьёва стали трактовка антихриста как типичного представителя эпохи конца века, введение его психологического портрета, использование смеховой составляющей в тексте столь серьёзного содержания и трагической напряжённости. Соловьёв не только внимателен к деталям повествования – предлагает развёрнутую предысторию основного действия, тщательно выписывает отдельные подробности, но и явно проявляет своё авторское присутствие. В жанровом отношении повесть Соловьёва, как и «Три разговора...», – синтетическое сочинение. Это и апокалиптическое повествование, и сатира на антихриста, пожелавшего подменить собою Христа, и антиутопия, рисующая общество всеобщей сытости и социального благополучия, и богословская дискуссия.

«Краткая повесть об антихристе» развивала некоторые идеи «Легенды о Великом инквизиторе» Ф. М. Достоевского и предвосхищала творческие эксперименты с этой жанровой формой начала XX в. – поэма Е. Ф. Сосунова «Победа Христа над Антихристом», поэма-мистерия В. М. Гаврилова «Антихрист», роман-исповедь В. П. Свенцицкого «Антихрист. Записки странного человека», повесть П. И. Карпова «Князь тьмы» и др. Особенно активно соловьёвские эсхатологические и апокалиптические мотивы были восприняты символистами («Дионис Гиперборейский», «Скифы», «Двенадцать» А. А. Блока, «Христос воскрес», мистерия «Пришедший» А. Белого, драма «Земля» В. Я. Брюсова и др.). Проникновение художественного вымысла, авторского

мировоззрения, эпохальных элементов (при общем следовании библейской традиции), пророческий дух – вот те черты, которые унаследовала от Соловьёва русская апокалиптическая литература XX в.

Пятая глава «Мемуарная и биографическая проза В. С. Соловьёва в историко-литературном контексте конца XIX столетия» посвящена изучению литературных мемуаров, автобиографических и биографических произведений Соловьёва.

В разделе **5.1. Жанр мемуаров в русской словесности и литературные воспоминания В. С. Соловьёва** исследуется своеобразие литературных воспоминаний Соловьёва.

В. С. Соловьёв не заложил каких-то принципиально новых традиций в мемуаристике. Его литературные воспоминания прошли мимо пристального внимания читающей публики. Оставляя свои мемуарные труды в личных архивах, он и сам, видимо, не претендовал на их особую значимость. Однако они отражали важные особенности авторского художественного мира и стали интересной страницей в истории русской литературы.

Литературные мемуары Соловьёва «Аксаковы» (1889) – это мемуары-очерк, в основе которых лежат воспоминания о круге событий и людей, составивших важный для мемуариста объект интереса. Авторская позиция, отношение к героям в «Аксаковых» чётко определены. Содержательно новизна соловьёвских мемуаров была связана с тем, что он сделал главной героиней жену прославленного славянофила. «Н. Г. Чернышевский» (1898; опубл. в 1908) Соловьёва – это пример совмещения мемуаров-зарисовки, воспоминаний о человеке, фактах, событиях, зафиксированных как впечатление и размышление о прошлом, и мемуаров-очерка – воспоминаний о людях, встретившихся когда-то на жизненном пути. Отсюда сочетание в произведении субъективного авторского видения прошлого и информационной насыщенности, документальности. Главный предмет изображения – отроческие впечатления о приговоре, вынесенном Н. Г. Чернышевскому, и мнение о его «деле» почти тридцать пять лет спустя. «Олитературивание» мемуаров Соловьёва привело к значительному обогащению и усложнению их текстовой структуры: использовалась особая комбинация повествования, кратких беллетризованных отрывков и диалогов героев – реальных исторических лиц. Важное значение приобретала словесная образность. Вводилась система стилистических приёмов, цитаты, расширяющие информационные, эмоциональные и временные границы мемуарного текста. В целом Соловьёв следовал традициям, заложенным в мемуаристике последней четверти XIX в. (И. С. Тургенев, П. В. Анненков и др.).

В разделе **5.2. «На заре туманной юности» в контексте русской автобиографической прозы последней четверти XIX века** рассматриваются художественные особенности соловьёвского автобиографического рассказа.

«На заре туманной юности» – это неспешное размышление о себе, своей обыденной жизни, переплетённое с рассуждениями о мире и месте в нём человека. Текст построен как «рассказ в рассказе», повествующий об истории знакомства героя с некой молодой дамой, встреча с которой способствовала его духовному развитию. Соловьёв изобразил собственную поездку в Харьков в мае 1872 г., воспроизвёл некоторые психологические перипетии юношеской влюбленности

в кухню Е. В. Романову, ставшую прототипом возлюбленной героя. Безусловно, всё содержание рассказа не являлось точной автобиографической записью. В тексте отразились традиции русских автобиографий середины XIX столетия – тяготение к углублённой психологической разработке образов (Л. Н. Толстой), воссоздание отдельных исторических реалий, несущих информационную функцию (А. И. Герцен), поэтическая экспрессивность, параллелизм природного и душевного, откровенность и напряжённость диалогов и внутренних монологов, лиризм («Мои воспоминания» А. А. Фета, «Старина и моё детство» Я. П. Полонского). Рассказ «На заре туманной юности» Соловьёва отразил важные тенденции в русской прозе рубежа XIX–XX вв. – ослабление эпической сюжетной основы лирическим началом, сцепление событий с помощью лейтмотивов, параллелизм в описании природного и человеческого миров, фрагментарность.

В разделе **5.3. Жанр биографической прозы в художественном творчестве В. С. Соловьёва** изучаются тексты Соловьёва, относящиеся к биографии.

К 1890-м гг., когда В. С. Соловьёв впервые обратился к биографической жанровой форме, в русской литературе уже оформились главные её разновидности: беллетризованная, документальная и научная. Соловьёв-прозаик проявил себя во всех трёх, причём именно эти творческие опыты наиболее ярко демонстрируют его эволюцию как писателя: начиная в качестве литературного критика с научной биографии, он развивался в сторону усиления беллетристического элемента – создал сначала документальную, а затем беллетризованную разновидности.

Примерами научных биографий, созданных Соловьёвым, могут служить его биографические статьи в «Энциклопедическом словаре» Брокгауза и Эфрона, посвящённые русским писателям («Жемчужников (Алексей Михайлович)», 1894; «Майков (Аполлон Николаевич)», 1896; и др.). Это документированные биографии, где вымысел отсутствует; жизнь героев изображается как ряд событий в хронологической последовательности, поэтому их можно считать биографиями с цепочной композицией. Главными принципами работы Соловьёва с документальным материалом стали жёсткая выборка биографических фактов, краткость изложения собственно биографии, превалирование литературно-критического анализа, который выстраивался по общему плану.

Очерк «Магомет. Его жизнь и религиозное учение» (1896) – документальная биография. Несмотря на то, что по форме авторского участия в тексте – это произведение с явным авторским присутствием (что проявляется через прямое выражение авторской позиции в отношении изображаемого, идейно-содержательный, композиционный, художественный аспекты), писатель стремится опираться на исходный документ – мифы и легенды Корана). В тексте сочетаются событийная и описательная биографии. Для поэтики жизнеописания Магомета у Соловьёва характерны следующие черты: характеристика главного героя через высказывания других известных людей; приём ретрансляции, т. е. описание жизни, основанное на воспоминаниях или изречениях героя о себе; зависимость авторской оценки поведения персонажа от определённых исторических событий; фрагментарность, переплетение биографических и исторических моментов с философскими рассуждениями.

«Жизненная драма Платона» (1898) – ещё одна историческая, событийная биография, созданная Соловьёвым в беллетризованной жанровой разновидности. В ней автор представляет прежде всего личность и философию своего героя. Отсюда вневременной способ повествования, глухое цитирование, подмена собственно биографии философскими рассуждениями «по поводу», цикличность композиции, неоднократное возвращение к сказанному ранее. По функциональной направленности это иллюстративно-дидактическая биография. По форме авторского присутствия – биография с явной формой авторского участия в тексте. По характеру соотношения «документ – вымысел» её можно отнести к художественно-критической биографии, в которой автор свободно варьирует исторические факты по своему усмотрению, одновременно критически анализируя личность своего героя и его поступки.

В шестой главе «Своеобразие литературно-критического, публицистического и эпистолярного наследия В. С. Соловьёва» исследуются связи художественного творчества писателя с другими видами его литературной деятельности.

В разделе 6.1. **В. С. Соловьёв как основатель религиозно-философской критики рубежа XIX–XX веков** рассматриваются значение литературно-критического творчества Соловьёва для развития религиозно-философского направления в критике рубежа XIX–XX вв., жанровый состав его критической прозы и некоторые особенности стиля.

В. С. Соловьёв, наряду с К. Н. Леонтьевым, Н. Ф. Фёдоровым, В. В. Розановым, Д. С. Мережковским, А. Л. Волынским, заложил традицию абстрактно-философского и мистического истолкования смысла образов литературы. Его литературно-критические оценки, жанровый диапазон литературной критики, приёмы анализа художественных текстов, пафосность, стилистическая размашистость, терминологическая насыщенность работ были востребованы последующей критикой (Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, Л. И. Шестов).

Соловьёв-критик проявил себя в различных литературно-критических жанрах: критическая статья в различных её разновидностях («Значение поэзии в стихотворениях Пушкина», «Буддийское настроение в поэзии» и др.), цикл статей (своего рода триптих составляют статьи «Судьба Пушкина», «Мицкевич», «Лермонтов»), полемическая заметка («Несколько слов по поводу „жестокости“»), предисловие («Предисловие к сказке Э.-Т.-А. Гофмана „Золотой горшок“»), надгробное слово («<Слово, сказанное на могиле Ф. М. Достоевского>»), поминальная речь («Три речи в память Достоевского»), лекция («Лермонтов»). Это обстоятельство чрезвычайно показательно как для подтверждения актуальности литературно-критической деятельности Соловьёва в целях реализации просветительско-пророческой творческой стратегии, так и для характеристики духа критики рубежа XIX–XX вв., многообразной, сориентированной на устное общение с аудиторией. Образный, высокохудожественный язык совершенно свободно переплетался в литературно-критическом творчестве Соловьёва с лексикой аналитического характера. К художественному стилю он обращался в тех случаях, когда как критик оказывался скованным какими-либо обстоятельствами. Назидательность, дидактичность во

многим определяли своеобразие писательской манеры Соловьёва-критика. Если критику Соловьёва начала – середины 1890-х гг. можно назвать максимально открытой, адресованной широким читательским кругам, универсальной, сориентированной на различного рода вопросы, в том числе исторические и общественные, то его поздние литературно-критические выступления имели более камерное звучание вследствие сосредоточенности на этических категориях и суждений о духовном мире писателя и его судьбе. В то же время Соловьёв-критик никогда не отделял себя от своих читателей, стремился приблизиться к ним, порой отождествлял себя с ними (в работах последних лет заметны доверительные обращения).

В разделе **6.2. Жанрово-стилевые особенности публицистики В. С. Соловьёва** анализируются жанры и стилевое своеобразие публицистического наследия Соловьёва.

Реализуя свою просветительскую и пророческо-дидактическую стратегии, Соловьёв активно проявлял себя и в публицистике. Она давала возможность прямого контакта с читателем, воздействия на него, просвещения публики. Соловьёв как никто другой ценил возможность частого и регулярного общения с русской читающей аудиторией. Печатаая в 1897–1898 гг. в газете В. П. Гайдебурова «Русь» свои «Воскресные письма», он отмечал, что «некоторые из этих статей принадлежат к наиболее удачному»¹⁹ из им написанного.

Важной особенностью публицистики Соловьёва на протяжении почти четверти века её существования было то, что в ней концентрировались многие темы, важные для его поэтического творчества (культура и цивилизация, искусство и жизнь творца, религия и вера и др.), а на уровне стиля ярко проявлялась художественная составляющая. Соловьёв-публицист старался отразить «панораму произошедшего», анализировал отдельные факты и явления общественной жизни, стремясь к объективности, оперативности, актуальности и непредвзятости в раскрытии проблемы. Вместе с тем у него всегда присутствовала субъективная оценка явлений, часто использовалась лирическая форма её выражения. Одновременно с этим философская публицистика Соловьёва многослойна, предполагает различную глубину прочтения и разные варианты читательской интерпретации. Публицистическим работам Соловьёва свойственно использование языковых средств, различных по стилевой принадлежности и нормативному статусу.

Для Соловьёва-публициста была важна не столько диктальная (информативная) стратегия, сколько воздействующие (модальная и регулятивная) с их тактиками акцентирования, переформулирования, создания имиджа путём ненавязчивой оценки, совета, подчёркивания собственной компетентности, побуждения, формирования доверительных отношений с адресатом. В его работах публицистическое дискурсивное мышление часто уступало место «художественному методу», что влияло и на смысловую, и на эмоциональную ёмкость. Публицистический текст выполнял для Соловьёва прежде всего дидактическую, полемическую функции, для чего выбирались адекватные

¹⁹ Соловьёв В. С. Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории // Соловьёв В. С. Сочинения: в 2 т. Т. 2. М., 1990. С. 643.

жанровые формы структурирования материала. В ранней публицистике («Три силы» и др.) он тяготел к лекции, слову, речи. Перейдя в 1880-е гг. к проблемам национальной и религиозной политики, роли церкви в обществе («Национальный вопрос в России»), Соловьёв сконцентрировался на собственно публицистическом дискурсе, в его публицистике стали преобладать жанры проблемной и полемической статей. В 1890-е гг. его публицистическое творчество было представлено проблемной и полемической статьей («Кто прозрел?», «Мнимые и действительные меры к подъёму народного благосостояния»), статья-притча («Тайна прогресса»), статьей-пророчеством («По поводу последних событий»), письмом («Воскресные письма»). При этом нередко наблюдалась тенденция к синтезу жанровых образований, совмещению аналитической формы с эссеистичностью. В публицистике Соловьёва этого периода заметно усиливается художественная струя.

В разделе **6.3. Эпистолярная проза В. С. Соловьёва: литературная проблематика и поэтика** рассматривается переписка Соловьёва с точки зрения отражения в ней историко-литературных вопросов и стиля.

Мы исходим из позиции тех учёных²⁰, которые разграничивают письма как нехудожественные высказывания и письма как разновидность речи литературного произведения, учитывая качественные различия между ними. Вместе с тем считаем уместным использовать термин «эпистолярная проза» как полифункциональный, охватывающий в разных значениях как художественные произведения, переписка в которых является плодом авторского вымысла, так и переписку реальную, а также допускаем возможность исследования частной переписки иногда в одной плоскости с художественными произведениями. Нередко личная переписка литератора содержит художественные произведения, в той или иной степени реализованные (отдельные образы, особенности стилистики, целостные художественные тексты), следовательно, она обретает эстетическую ценность, становится продолжением художественной практики, а порой и её основанием, что чрезвычайно характерно для эпистолярия Соловьёва. Его высказывания на историко-литературную тему в письмах откровенны, эмоциональны, порой категоричны, соотнесены с социокультурной ситуацией. Художественная струя в эпистолярии Соловьёва проявляется через присутствие в текстах аналитических характеристик, психологических портретов, художественных вставок.

В **Заключении** подводятся итоги исследования, намечаются его дальнейшие перспективы.

Принципы построения художественного мира Соловьёва обуславливались характером его мышления: от тезиса к антитезису и затем – к синтезу, что определило в итоге и ведущие творческие стратегии, и характер связи между отдельными сферами литературной деятельности, и тяготение к определённой области творчества в конкретные периоды, и суть жанровых экспериментов, и черты стиля. Кроме того, можно говорить о глубоком внутреннем единстве

²⁰ Логунова Н. В. Русская эпистолярная проза XX – начала XXI веков: эволюция жанра и художественного дискурса: автореф. дис. ... д-ра филол. н. М., 2011. С. 10.

художественных произведений Соловьёва с его философскими, эстетическими, литературно-критическими, публицистическими трудами, эпистолярием, что объясняется целостностью его мировоззрения и личности.

Основой литературного творчества Соловьёва стало восприятие искусства как высшей формы духовной деятельности человека, преобразующей мир, идея всеединства, вера в особую миссию писателя-теурга. Его художественное творчество было порождением личностной реакции на действительность, далёкую от идеала, и способом пережить эту данность. Вот почему художественные поиски писателя были обоснованы направленностью, с одной стороны, во вне (пророческая, просветительская стратегии; диалоговый коммуникативный стержень, предполагающий особую включённость читателя в мир произведения, личностно-актуальную форму восприятия текста; многообразие жанровых проявлений), с другой стороны, внутрь (смеховая стратегия; поисковая специфика; жанровое экспериментаторство). Сочетание пророческо-просветительской и игровой стратегий во многом обусловило своеобразие художественного мира Соловьёва, который создавался на стыке мистериальной и балаганной моделей. С одной стороны, его характеризовали системность, закономерность и логичность, обоснованные религиозными истинами и сакральными ценностями, идея движения человечества к преображению. С другой – балаганная миромодель вносила неоднозначный пространственно-временной континуум, господство случайности, кратковременность связей, бесконечность трансформаций, смену идей и структурных элементов, наивность мироощущения. Для художественного мира Соловьёва характерны сложная структура, доминирование мифа, мистериального сюжета, сквозных тем и мотивов, антиномичность. Его смеховую составляющую определили как личные авторские установки, эстетические взгляды, так и специфика литературной эпохи, в которую творил писатель. Смех Соловьёва – взгляд на земное с позиций идеала, его реакция на «мировое противоречие», на несовершенство человека (и человечества) и вместе с тем на его «потенциальность». В творческой эволюции Соловьёва-писателя правомерно выделить три основных периода: 1870-е, 1880-е, 1890-е (первая и вторая половины) гг.

На протяжении 1870-х гг. оформляется философская лирика Соловьёва, отражающая жизнь природы, человека, космоса, чему способствовала в том числе переводческая деятельность поэта. В поле внимания Соловьёва находился также платоновский диалог, к форме которого он обращался дважды. К концу этого периода появляется шуточная лирика поэта в её ироническом варианте. Впервые автор пробует себя как драматург (иронические тона в «Альсима» приглушены; первый вариант «Белой Лилии» сознательно не доведён до широкой общественности, но показателен как ранний эксперимент со смеховой стихией, синтезирующей снижено-бытовое и мистическое) и публицист. Всё это свидетельствует о преобладании в творчестве писателя 1870-х гг. пророческо-просветительской творческой стратегии, выдвижении художественного «тезиса».

В 1880-е гг. формулируется «антитезис». В художественном мире Соловьёва возрастает значимость смехового слова. Несмотря на активное развитие «серьёзной» лирики, появление переводов из Вергилия, Мицкевича, Петрарки, Данте, Гафиза, Соловьёв глубоко осмысляет значение смеха как средства

одухотворяющего воздействия на человека и шире – действительность («Посвящение к неизданной комедии»), осознаёт недостаточность и уязвимость пророческой стратегии («Пророк будущего»), анализирует степень влияния творческой личности на текущую жизнь, современников («Аксаковы»). Наблюдается заметное смещение интереса писателя в сторону «действенных» жанров, обращение к общественной тематике, использование возможностей иронии и сатиры (эпиграммы «Благонамеренный и грустный анекдот!» и др., литературно-критические выступления о Ф. М. Достоевском, первый и второй выпуски «Национального вопроса в России»).

В первой половине 1890-х гг., с одной стороны, переживает расцвет «серьёзная» лирика поэта, позиции которой закрепляются литературно-критическими работами автора («О лирической поэзии», цикл статей о «чистой» поэзии). С другой – в художественном творчестве Соловьёва предельно усиливается проявление смеховой составляющей. В него проникают буффонада («Таинственный пономарь», второй вариант «Белой Лилии»), автоирония («Вот бледный очерк пухлой рожи...», «Эпитафия» и др.), сатира («Дворянский бунт», басня «Эфиопы и бревно»). Объектом насмешки становятся враждебные Соловьёву стороны жизни, взгляды, учения, вкусы (пародии на русских символистов, эпиграмма «На А. А. Фета» и др.), конкретные «лица» (эпиграммы на К. П. Победоносцева, ироническое «прославление» издателя ультрареакционной газеты «Гражданин» кн. Мещерского, критика Л. Н. Толстого в стихотворении «Душный город стал несносен...»), правительство («Привет министрам»). Столкновение «тезиса» и «антитезиса» приводит к появлению синтетических форм разной сочетаемости: либо к параллельному сосуществованию «серьёзного» и «шуточного» вариантов развития темы, либо к смешению их в рамках одного текста («Белая Лилия»). Шуточная поэзия Соловьёва конца 1880-х – начала 1890-х гг. – это уже не «дополнение», а прямая антитеза его собственной мистической и интимной лирике, отражение второго пути в продвижении к истине.

Во второй половине 1890-х гг. постепенно выстраивается итоговое соотношение творческих стратегий Соловьёва в связи с усилением апокалиптических идей и настроений в его мироощущении. Как поэт он стал тяготеть к совмещению шуточного и серьёзного в рамках одного произведения («Das Ewig-Weibliche», поэма «Три свидания»). В его прозе наблюдается явное тяготение к биографии в различных её разновидностях (научной, документальной, беллетризованной), к литературным воспоминаниям, платоновскому диалогу (переводы «Творения Платона»).

Сдвиги в литературной позиции Соловьёва определяли его жанровые пристрастия на разных этапах творчества. В течение всей творческой жизни он был сориентирован на основной (по его теоретико-литературной программе), лирический, род литературы и использовал возможности других, «вспомогательных», жанров в соответствии с собственным творческим развитием и историко-литературной ситуацией. В середине 1870-х гг. Соловьёв обращается к философскому диалогу. Чуть позже, осознав возможности комедии, которых лишена поэзия, активно занимается драматургией. В период расцвета своего художественного творчества Соловьёв попробовал себя в лиро-эпике (поэма) и

прозе (рассказ, повесть, биографические произведения). На протяжении 1890-х гг. он активно разрабатывал жанры синтетической природы (автоэпитафия, видение-пародия, полубаллада), приобщился к жанрам, выражающим гражданский пафос (сатира, эпиграмма, пародия), которые признал «законным родом словесности» («Судьба Пушкина»). Последнее произведение Соловьёва, «Три разговора...» – метатекст, содержащий черты философского диалога, апокалиптического повествования, притчи, сатиры, поэзии, антиутопии, богословской дискуссии, анекдота, саркастического памфлета. Жанр в рамках литературного творчества Соловьёва не только моделировал художественное пространство произведения, но и порой становился объектом или средством авторской игры. Жанры, каноны которых допускали существенные модификации инвариантов (рассказ, повесть, биография и т. д.), не трансформировались значительно. Зато жанры с ограниченным набором черт подвергались пародированию (мистериальные элегии, пародии на видение, оду, дружеское послание, слово). Вводил Соловьёв также экспериментальные жанры (автопародия, автоэпитафия), в качестве ведущего художественного приёма жанротворчества использовал деконструкции (полубаллада). Достаточно часто в его творчестве встречается синтез литературы с философией и документалистикой: литературный философский диалог, философское стихотворение, драма в стихах, литературные мемуары, философская публицистика и литературная критика.

Соловьёв находился в постоянном диалоге с писателями-предшественниками (Г. Р. Державиным, В. А. Жуковским, поэтами-любомудрами, Ф. И. Тютчевым, А. А. Фетом, А. К. Толстым), однако он не ориентировался на чью бы то ни было поэтику последовательно, но опирался на традицию, переосмысливая её в собственном духе. Поэтический метатекст Соловьёва насыщен антиномиями, антитезами, оксюморонами, повторами. Поэт активно использовал намёки и перифразы, игру ритмом, абстрактные существительные и условные эпитеты, метафоры. Для его «серьёзных» произведений характерны одностильность, для шуточных – нарочитая мозаичность.

Проведённое нами исследование не претендует на то, что быть «последним словом» по данной проблеме. Напротив – весьма перспективным и интересным представляется намеченное нами дальнейшее исследование диалога Соловьёва-драматурга с современным ему театром, осмысление художественного мира писателя в контексте смеховой традиции русской словесности, изучение степени актуализации «феномена Соловьёва» в литературном сознании XX – начале XXI вв. Предложенный в диссертации анализ творческого наследия В. С. Соловьёва заметно расширяет представление о закономерностях формирования поэтики русской литературы рубежной эпохи; позволяет глубоко и всесторонне осмыслить историко-литературный и художественно-философский контексты рубежа XIX–XX вв.; углубляет современную теорию автора / авторской стратегии, позволяет проецировать выявленные особенности авторского сознания на отдельные стороны творчества современников В. С. Соловьёва, соотнести их с особенностями литературной практики первой трети XX в., прежде всего с художественными открытиями и экспериментами русского модернизма.

Основные положения и выводы диссертации отражены в следующих публикациях автора:

Публикации в рецензируемых научных журналах и изданиях, входящих в Перечень ВАК Министерства образования РФ

1. Юрина Н. Г. Л. Толстой, Вл. Соловьёв и «философия любви» в русской литературе Серебряного века // Вестн. Пятигор. гос. лингвист. ун-та. ПГЛУ. – 2009. – № 4. – С. 354–355.
2. Юрина Н. Г. [Рец. на кн.]: С. Н. Носов. Лики творчества Владимира Соловьёва. С прилож. «Краткой повести об Антихристе» // Вопр. лит. – 2009. – Июль – авг. – С. 490–491.
3. Юрина Н. Г. Осмысление творчества М. Ю. Лермонтова религиозно-философской критикой рубежа веков: концепции, полемики, формирование традиций // Изв. высш. учеб. заведений. Поволж. регион. Гуманитар. науки. – 2010. – № 1 (13). – С. 76–85.
4. Юрина Н. Г. Традиции русской апокалиптической литературы XVIII века в «Краткой повести об антихристе» Вл. Соловьёва (Соловьёв и Яворский) // Вестн. Чуваш. ун-та. Гуманитар. науки. – 2010. – № 4. – С. 256–266.
5. Юрина Н. Г. Художественное своеобразие автобиографической прозы В. С. Соловьёва («На заре туманной юности») // Вестн. Самар. гос. ун-та. Сер. Гуманитар. науки. – 2011. – № 7 (22). – С. 125–131.
6. Юрина Н. Г. Тема апокалипсиса в поэтическом творчестве Вл. Соловьёва: романтико-реалистическая и символистская традиции // Соловьёв. исслед. – 2012. – Вып. 3 (35). – С. 67–81.
7. Юрина Н. Г. Эпистолярное творчество В. С. Соловьёва 1870–90-х гг.: историко-литературная проблематика и художественная специфика // Соловьёв. исслед. – 2012. – Вып. 4 (36). – С. 6–21.
8. Юрина Н. Г. Художественное своеобразие биографической прозы В. С. Соловьёва // Известия Волгогр. гос. пед. ун-та. – 2013. – № 6. – С. 144–148.
9. Юрина Н. Г. Жанровый состав шуточной лирики В. С. Соловьёва // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А. С. Пушкина. – 2014. – № 1, т. 1. Филология. – С. 30–39.
10. Юрина Н. Г. Финская тема в поэтическом творчестве В. С. Соловьёва // Финно-угор. мир. – 2014. – № 3. – С. 42–47.
11. Юрина Н. Г. Переосмысление традиций жанров древнерусской литературы в поэзии В. С. Соловьёва // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. – 2014. – № 4 (30). – С. 135–145.
12. Юрина Н. Г. Литературно-критическая полемика о М. Ю. Лермонтове 1890-х годов: концепции, прозрения, итоги // Соловьёв. исслед. – 2015. – Вып. 1. – С. 116–130.
13. Юрина Н. Г. Поэтика литературного воспоминания В. С. Соловьёва «Н. Г. Чернышевский» // Изв. Тул. гос. ун-та. Гуманитар. науки. – 2015. – № 1. – С. 127–137.
14. Юрина Н. Г. «Вечера в Каире» В. С. Соловьёва и Д. Н. Цертелева как философский диалог // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. – 2015. – № 1 (33). – С. 169–180.
15. Юрина Н. Г. Критика рубежа XIX–XX веков в современных отражениях // Вестн. Пятигор. гос. лингвист. ун-та. – 2015. – № 3. – С. 214–215.
16. Юрина Н. Г. Художественная специфика и эволюция одноактной драматургии В. С. Соловьёва // Вестн. Твер. гос. ун-та. – 2015. – № 3. – С. 129–138.
17. Юрина Н. Г. Специфика русской философской лирики XIX века: от любомудров к Вл. Соловьёву // Вестн. Нижегород. гос. ун-та им. Н. И. Лобачевского. – 2017. – № 1. – С. 250–259.
18. Юрина Н. Г. Тематический диапазон философской лирики В. С. Соловьёва // Вестн. Том. гос. пед. ун-та. – 2017. – Вып. 11 (188). – С. 170–178.

Публикация в научном журнале, индексируемом в БД Scopus

19. Юрина Н. Г. Трансформация традиций средневековой мистерии в «Белой Лилии» В. С. Соловьёва // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2019. – № 59. – DOI: 10.17223/19986645/59/15.

Монографии, учебные пособия

20. Юрина Н. Г. Литературно-критическая концепция В. С. Соловьёва: истоки, становление, развитие. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2013. – 280 с.

21. Юрина Н. Г. Литературно-художественное творчество В. С. Соловьёва в контексте русской словесности второй половины XIX века (эстетика, поэтика, стиль). – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2019. – 548 с.
22. Юрина Н. Г. Творчество М. Ю. Лермонтова в русской критике конца XIX – начала XX века: учеб. пособие. – Саранск: Б. и., 2006. – 134 с.

Работы, опубликованные в других изданиях

23. Юрина (Макарова) Н. Г. В. Соловьёв о Лермонтове // Проблемы современного изучения русского и зарубежного историко-литературного процесса: материалы XXV Зональной науч.-практ. конф. литературоведов Поволжья и Бочкарёвских чтений. – Самара: Изд-во СамГПУ, 1996. – С. 343–344.
24. Юрина (Макарова) Н. Г. Вл. Соловьёв о Достоевском // Актуальные проблемы филологии в вузе и школе: материалы 11 Тверской межвуз. конф. учёных-филологов и шк. учителей. – Тверь: Тверской гос. ун-т, 1997. – С. 143–144.
25. Юрина (Макарова) Н. Г. Поэзия Ф. И. Тютчева в критике Вл. Соловьёва // Актуальные проблемы филологии в вузе и школе: материалы 13 Тверской межвуз. конф. учёных-филологов и шк. учителей. – Тверь: Тверской гос. ун-т, 1998. – С. 39–40.
26. Юрина (Макарова) Н. Г. Поэзия Ф. И. Тютчева в интерпретации Вл. Соловьёва // Вторые Майминские чтения. – Псков: ПГПИ им. С. М. Кирова, 1998. – С. 87–91.
27. Юрина (Макарова) Н. Г. Вл. Соловьёв о жизни и судьбе А. С. Пушкина (статья «Судьба Пушкина») // А. С. Пушкин и взаимодействие национальных литератур и языков: тезисы Междунар. науч. конф., посв. 200-летию со дня рождения А. С. Пушкина. – Казань: УНИПРЕСС, 1998. – С. 45–47.
28. Юрина (Макарова) Н. Г. А. С. Пушкин в размышлениях Соловьёва // Материалы науч. конф. Мордов. гос. ун-та (27 Огарёвские чтения). – Саранск: СВМО, 1998. – Ч. 3. – С. 139–143.
29. Юрина (Макарова) Н. Г. Владимир Соловьёв как теоретик «судьбы» поэта (А. С. Пушкин, А. Мицкевич, М. Ю. Лермонтов в контексте христианских идеалов критика) // Литература и культура в контексте христианства: тр. Второй Междунар. науч. конф. – Ульяновск: УлГТУ, 1999. – С. 64–65.
30. Юрина (Макарова) Н. Г. Вл. Соловьёв о «Пророке» А. С. Пушкина // Вестн. Мордов. ун-та. – 2000. – № 1–2. – С. 65–68.
31. Юрина Н. Г. Ф. М. Достоевский в интерпретации В. Соловьёва // Народное образование. Республика Мордовия. – 2001. – № 6. – С. 89–94.
32. Юрина Н. Г. Поэзия А. К. Толстого в критическом осмыслении Вл. Соловьёва // Актуальные проблемы изучения литературы и культуры на современном этапе: сб. ст. и материалов регион. науч. конф., посв. докт. филол. наук, проф. С. С. Конкину. – Саранск: Тип. «Красн. Октябрь», 2002. – С. 103–110.
33. Юрина Н. Г. Проза К. К. Случевского в критическом освещении Вл. Соловьёва // Филологические исследования. 2002: межвуз. сб. науч. тр. – Саранск: Тип. «Красн. Октябрь», 2003. – С. 14–20.
34. Юрина Н. Г. Поэзия К. К. Случевского в критическом освещении Вл. Соловьёва // Актуальные проблемы изучения литературы в вузе и школе: материалы Всерос. конф. и XXIX Зональной конф. литературоведов Поволжья. – Тольятти: ТГУ, 2004. – Т. 2. – С. 218–221.
35. Юрина Н. Г. Творчество Ф. М. Достоевского в литературно-критических выступлениях В. И. Иванова дореволюционной поры // Русск. яз. и литература рубежа XX–XXI веков: специфика функционирования. Всерос. науч. конф. языковедов и литературоведов. – Самара: Изд. СГПУ, 2005. – С. 428–432.
36. Юрина Н. Г. Поэзия А. А. Голенищева-Кутузова в осмыслении Вл. Соловьёва // Движение художественных форм и художественного сознания XX и XXI веков: материалы Всерос. науч.-метод. конф. – Самара: Изд. СГПУ, 2005. – С. 75–81.

37. Юрина Н. Г. Вл. Соловьёв о западноевропейской литературе // Русско-зарубежные литературные связи: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. Н. М. Ильченко. – Н. Новгород: НГПУ, 2005. – С. 54–58.
38. Юрина Н. Г. Религиозно-философская критика В. С. Соловьёва второй половины 1890-х годов: тенденции развития // Православие в контексте отечественной и мировой литературы : сб. ст. / под ред. Г. А. Пучкова. – Арзамас: АГПИ, 2006. – С. 428–435.
39. Юрина Н. Г. Эстетические и художественные открытия русского Просвещения в критическом восприятии В. С. Соловьёва // Проблемы изучения русской литературы XVIII века: межвуз. сб. науч. тр. Вып. 13. – Самара: Изд-во «НТЦ», 2007. – С. 390–398.
40. Юрина Н. Г. Осмысление художественного мира И. С. Тургенева в «эстетической» критике К. Н. Леонтьева 1860-х годов // Грехнёвские чтения: сб. науч. тр. Вып. 5 / отв. ред. И. С. Юхнова. – Н. Новгород: Изд. Ю. А. Николаев, 2008. – С. 271–275.
41. Юрина Н. Г. Творчество И. А. Гончарова в критической интерпретации Д. С. Мережковского // И. А. Гончаров: материалы Междунар. науч. конф., посв. 195-летию со дня рождения И. А. Гончарова. – Ульяновск: Изд. ООО «Ника-дизайн», 2008. – С. 392–397.
42. Юрина Н. Г. Пьеса Вл. Соловьёва «Дворянский бунт» в свете эстетических исканий философа // Литература и театр: сб. науч. ст. – Самара: Изд. Самар. ун-та, 2008. – С. 160–168.
43. Юрина Н. Г. Творчество Л. Н. Толстого в «философской» критике В. С. Соловьёва // Многоликий Толстой. Вторая Всерос. науч. конф. – Самара: Самар. гос. академ. культуры и искусств, 2008. – С. 48–52.
44. Юрина Н. Г. Образ антихриста в «Трёх разговорах» В. С. Соловьёва // Русская литература в мировом культурном и образовательном пространстве: материалы конгресса / под ред. П. Е. Бухаркина: в 2 т. Т. 2. Ч. 1. – СПб.: МИРС, 2008. – С. 298–305.
45. Юрина Н. Г. Религиозная драма Л. Толстого и его литературная эволюция в критической интерпретации С. Н. Булгакова // Литература и культура в контексте христианства. Образы, символы, лики России: материалы V Междунар. науч. конф. / отв. ред. А. А. Дырдин. – Ульяновск: УлГТУ, 2008. – Ч. 1. – С. 196–201.
46. Юрина Н. Г. Проблема драматургических жанров в осмыслении Вл. Соловьёва // Теория литературы: актуальные проблемы современной науки: сб. науч. ст. – Барнаул: АлгПА, 2009. – С. 84–90.
47. Юрина Н. Г. Русские истоки эстетической концепции В. С. Соловьёва // Эстетика и этика в изменяющемся мире: сб. тезисов. – СПб.: РГПИ им. А. И. Герцена, 2009. – С. 72.
48. Юрина Н. Г. Апокалиптическое повествование как жанровая составляющая «Трёх разговоров» В. С. Соловьёва // Духовная традиция в русской литературе: сб. науч. ст. / науч. ред. Г. В. Мосалёва. – Ижевск: Изд. дом «Удмуртский ун-т», 2009. – С. 302–306.
49. Юрина Н. Г. Взаимосвязь литературы с другими видами искусства в осмыслении Владимира Соловьёва // Взаимодействие литературы с другими видами искусства: XXI Пуришевские чтения: сб. статей и материалы Междунар. конф. – М.: Литера, 2009. – С. 11–12.
50. Юрина Н. Г. Противостояние «гражданской» и «чистой» лирики XIX века в осмыслении религиозно-философской критики В. С. Соловьёва и Д. С. Мережковского // Литературоведение на современном этапе. Теория. История литературы. Творческие индивидуальности: материалы Междунар. конгр. литературоведов. К 125-летию Е. И. Замятина / отв. ред. Л. В. Полякова. – Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2009. – С. 163–168.
51. Юрина Н. Г. Религиозно-философская критика К. Н. Леонтьева о «мировой гармонии» и о дворянском типе в творчестве Ф. М. Достоевского // Православие и русская литература: сб. ст. / под ред. Г. А. Пучковой. – Арзамас: АГПИ, 2009. – С. 181–186.
52. Юрина Н. Г. Образы и художественное своеобразие пьесы В. С. Соловьёва «Альсим» // Труды Стерлитамакского филиала АН Республики Башкортостан. Сер. «Филологические науки». Вып. 4 / отв. ред. И. Е. Карпухин. – Уфа: АН РБ, Гилем, 2010. – С. 212–216.

53. Юрина Н. Г. Апокалиптическое повествование в русской литературе: истоки и эволюция в XVII–XIX веках // XXII Пуришевские чтения «История идей в жанровой истории» / отв. ред. Е. Н. Чернозёмов. – М.: МПГУ, 2010. – С. 116.
54. Юрина Н. Г. Русская литература первой половины XIX века в литературно-критических интерпретациях Н. Ф. Фёдорова // Русский язык в контексте национальной культуры: материалы Междунар. науч. конф. / редкол.: В. В. Шигуров (отв. ред.) и др. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2010. – С. 419–424.
55. Юрина Н. Г. Драматургия Вл. Соловьёва и художественно-эстетические искания русского реалистического театра конца XIX в.: В. Соловьёв, Л. Толстой, А. Чехов // Литература и театр: сб. науч. ст. / сост. Л. Г. Тютелова. – Самара: ООО «Офорт», 2011. – С. 17–23.
56. Юрина Н. Г. «Жизненная драма Платона» В. С. Соловьёва как философская биография // Татищевские чтения: Актуальные проблемы науки и практики: материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф.: в 3 т. Т. 2. Гуманитарные и социальные науки, образование. – Тольятти: Волж. ун-т им. В. Н. Татищева, 2011. – С. 378–385.
57. Юрина Н. Г. Специфика смеха в «Трёх разговорах...» В. С. Соловьёва // Родная словесность в современном культурном и образовательном пространстве: сб. тр. Междунар. конф. – Тверь: Тверской гос. ун-т, 2011. – С. 124–130.
58. Юрина Н. Г. Тема апокалипсиса в поэтическом творчестве Вл. Соловьёва: романтико-реалистическая и символистская традиции // Вл. Соловьёв и поэты Серебряного века: материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием. – Иваново: ИГЭУ, 2011. – С. 39–44.
59. Юрина Н. Г. Пророческий дар Ф. М. Достоевского: концепции Вл. Соловьёва и Л. Шестова // Вторые Конкинские чтения: сб. материалов Всерос. науч. конф. с междунар. участием. – Саранск: Изд. Мордов. ун-та, 2011. – С. 266–270.
60. Юрина Н. Г. Традиции русской философской лирики в поэзии В. С. Соловьёва (В. С. Соловьёв и Г. Р. Державин) // Русский язык в контексте национальной культуры: материалы II Междунар. науч. конф. / редкол.: В. В. Шигуров (отв. ред.) и др. – Саранск: Изд. Мордов. ун-та, 2012. – С. 445–450.
61. Юрина Н. Г. Проблема святости и гениальности в литературной критике В. С. Соловьёва и Н. А. Бердяева // Карповские чтения: сб. ст. – Вып. 4. – Арзамас: АГПИ, 2012. – С. 411–417.
62. Юрина Н. Г. Творчество И. А. Гончарова в осмыслении русской религиозно-философской критики конца XIX века // Материалы V Междунар. науч. конф., посв. 200-летию со дня рождения И. А. Гончарова. – Ульяновск: Изд. «Корпорация технологий продвижения», 2012. – С. 404–411.
63. Юрина Н. Г. Особенности стиля эпистолярной прозы В. С. Соловьёва (на материале его писем к А. А. Фету) // Индивидуальный стиль в лингвистическом и риторическом аспекте: межвуз. сб. науч. тр. – Саранск: Изд. Мордов. ун-та, 2013. – С. 18–24.
64. Юрина Н. Г. Жанр басни в поэтическом творчестве В. С. Соловьёва // Наука и образование в XXI веке: сб. науч. тр. по материалам Междунар. науч.-практ. конф. – Тамбов: ТРОО «Бизнес–Наука – Общество», 2013. – Ч. 6. – С. 160–162.
65. Юрина Н. Г., Суконкина М. А. Концепции В. С. Соловьёва и В. В. Розанова в полемике конца XIX века о личности и творчестве А. С. Пушкина // Русская словесность в современном культурном и образовательном пространстве: сб. науч. тр. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2013. – Вып. 3 (9). – С. 83–89.
66. Юрина Н. Г. Статья А. Волынского «Человек и Богочеловек» как образец религиозно-философской критики // Духовная традиция в русской литературе: сб. науч. ст. / науч. ред. Г. В. Мосалёва. – Ижевск: Изд-во «Удмуртский ун-т», 2013. – С. 400–407.
67. Юрина Н. Г. Эволюция взглядов В. В. Розанова на личность и творчество Ф. М. Достоевского (на материале статей «О Достоевском» и «Памяти Достоевского») // Б. Н. Чичерин и традиции философской и социально-политической мысли в России: материалы Междунар. науч. конф. / отв. ред. Н. В. Медведев и др. – Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2013. – С. 279–283.

68. Юрина Н. Г. Поэтическая традиция А. К. Толстого в лирике В. С. Соловьёва // Actual problems of the theory and practice of philological researches: materials of the IV international scientific conferece. – Prague: Vedecko vydava-telske centrum «Sociosfera-CZ», 2014. – P. 109–112.
69. Юрина Н. Г. Научная литературная биография в творчестве В. С. Соловьёва (на материале энциклопедических статей «Майков», «Полонский», «Жемчужников») // Аркадий Гайдар и круг детского и юношеского чтения: материалы XVI Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием «Аркадий Гайдар и круг детского и юношеского чтения», посв. 110-летию со дня рожд. А. П. Гайдара. – Арзамас: Арзамасский филиал ННГУ, 2014. – С. 97–102.
70. Юрина Н. Г. Приёмы философской критики Вл. Соловьёва // Общество, наука и инновации: сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. – Уфа: РИО МЦИИ ОМЕГА САЙС, 2015. – С. 106–111.
71. Юрина Н. Г. Стихотворение В. С. Соловьёва «На мотив из Мицкевича» в переводческой практике поэта // Перевод в меняющемся мире: материалы Междунар. науч.-практ. конф. / редкол.: Н. В. Буренина и др. – М.: Изд. центр «Азбуковник», 2015. – С. 155–159.
72. Юрина Н. Г. Личность и творчество М. Ю. Лермонтова в осмыслении русской критики конца XIX – начала XX века // Русский язык в контексте национальной культуры: материалы III Междунар. науч. конф., посвящ. 200-летию со дня рождения М. Ю. Лермонтова: в 2 т. / редкол.: Ю. А. Мишанин (отв. ред.) и др. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2015. – С. 309–314.
73. Юрина Н. Г. Восточная лирика в переводческой практике В. С. Соловьёва // Tradiție și inovație în cercetarea filologică: conferința științifică internațională, 27 octombrie 2015 / com. șt.: Valentina Prițcan (președinte). – Bălți: Universitatea de Stat „Alecu Russo” din Bălți, 2016. – С. 188–192.
74. Юрина Н. Г. Традиции романтической мистории в творчестве В. С. Соловьёва («Ижорский» и «Белая Лилия») // Православие и русская литература: сб. науч. ст. / отв. ред. Б. С. Кондратьев. – Арзамас: Арзамасский филиал ННГУ, 2016. – С. 198–207.